СОКОЛЬВ.

ГОГОЛЬ —
ЭТНОГРАФ

Глубокоуважаемому Сергею Константиновичу Шамбинаго отъ ученика.

Б. М. Соколовъ.

Гоголь-этнографъ.

(Интересы и занятія Н. В. Гоголя этнографіей).

МОСКВА.
Типографія Императорскаго Московскаго Университета.
1910.

Оттискъ изъ „Этнографическаго Обозрѣнія“, кн. 81—82.

Гоголь этнографъ.

(Интересы и занятія Н. В. Гоголя этнографіей) [1].

Предисловіе.

20—30-е годы XIX вѣка въ главныхъ своихъ литературныхъ теченіяхъ отмѣчены романтизмомъ, однимъ изъ основныхъ принциповъ котораго провозглашалась „народность". Изъ романтической теоріи, борьбы литературныхъ теченій, изъ цѣлой цѣпи, м. б., слабыхъ, но всё же живыхъ предыдущихъ литературныхъ направленій, изъ многихъ другихъ смежныхъ причинъ, наряду съ непосредственнымъ стремленіемъ развивающагося общества, съ растущими запросами ума и сердца создался и развился нашъ реализмъ, наша народная, національная литература. Но какъ искали народность наши творцы реализма—Пушкинъ и Гоголь, гдѣ они старались найти опору и источникъ для проявленія своего художественнаго дарованія? Очень интересно и весьма характерно, что непосредственнымъ чутьемъ художественной правды и согласно основнымъ указаніямъ романтизма они поняли, что искать эту народность, сначала м. б. односторонне понимавшуюся, надо въ ея первоисточникахъ—въ народной поэзіи и народномъ

[1]) Редакція „Этнографическаго Обозрѣнія", печатая настоящую статью, имѣла цѣлью, съ одной стороны, внести полезный вкладъ въ юбилейную литературу о Гоголѣ, а съ другой—дать очеркъ знакомства съ этнографіей въ русской литературно-образованной средѣ временъ Гоголя. Этотъ очеркъ, исключая всякій анализъ произведеній Гоголя, основанъ преимущественно на біографическихъ и историческихъ матеріалахъ, а потому затронутые въ немъ сложные вопросы объ отношеніи Гоголя къ реализму, романтизму и мистицизму не играютъ въ данномъ случаѣ существенной роли. Поэтому редакція оставила всѣ немногочисленныя указанія о литературныхъ направленіяхъ безъ своихъ примѣчаній. *Ред.*

бытѣ. Надо было вѣрно понять её, надо было дѣйствительно, по выраженію Гоголя, надышаться русскимъ духомъ. Жуковскій, несмотря на все свое желаніе, этого не могъ достигнуть; такъ и остался нѣмцемъ-романтикомъ въ своихъ „народныхъ" произведеніяхъ. Но и Пушкину и Гоголю это далось не сразу; имъ нужно было употребить на это немало усерднаго труда и времени... Мы должны несомнѣнно учесть эти поиски за народностью, эту работу надъ изученіемъ народной поэзіи, языка и быта, эту работу надъ самимъ собой, надъ обработкой языка и стиля, надъ „народностью" своихъ произведеній. Эта работа получитъ еще большее значеніе въ нашихъ глазахъ и присоединитъ еще одну характерную и почетную черту къ личности нашихъ геніевъ, если мы примемъ во вниманіе слабость нашей этнографической литературы того времени.

Во всякомъ случаѣ, это одна изъ характерныхъ страницъ нашего романтизма, одно изъ звеньевъ и факторовъ эволюціи этого романтизма: отъ идеализма къ реализму.

Цѣлью настоящей статьи поставлено выяснить этнографическіе интересы Гоголя, прослѣдить исторію его этнографической дѣятельности, указать на степень ея интенсивности и на тѣ мотивы, которые въ разное время ею руководили.

Отнюдь не преувеличивая значенія этихъ интересовъ, тѣмъ неменѣе, намъ кажется необходимымъ поставить изученіе Гоголемъ народности въ органическую связь съ общимъ его міросозерцаніемъ и дѣятельностью и отвести ей во всякомъ случаѣ не послѣднее мѣсто среди другихъ интересовъ, которыми питались умъ и сердце Гоголя.

Однако мы оставляемъ въ сторонѣ вопросъ объ отношеніи накопленныхъ Гоголемъ этнографическихъ познаній къ его художественнымъ произведеніямъ. Это дѣло особой работы, отчасти совершенной въ трудахъ, спеціально посвященныхъ этому вопросу. (См. труды Каманина, Чудакова, частью Шенрока, Сумцова и др.).

19 февр. 1909 г.

I.

Народность въ литературѣ и наукѣ во времена Гоголя.

Гоголь и по рожденію и по воспитанію всецѣло принадлежалъ Малороссіи. Поэтому уже естественно a priori предполагать, что на развитіе въ немъ интереса къ изученію народной жизни повліяли малорусскія общественныя и умственныя движенія. Факты оправдываютъ это.

Сама малорусская изящная литература носила уже въ то время многіе народные элементы, что объясняется непрерывавшейся литературной традиціей. Литература конца XVIII и н. XIX в. была связана съ предшествовавшей виршевой литературой, часто включавшей въ себя чисто народную струю и распространявшейся въ значительномъ количествѣ сборниковъ. Въ эти сборники попадали нерѣдко подлинныя малороссійскія пѣсни; говорить о роли этихъ сборниковъ въ дѣлѣ развитія изящной литературы тѣмъ болѣе возможно, что въ провинціальной жизни, а такой была малороссійская, пережитки сохраняются гораздо дольше. Энеида Котляревскаго ставится въ связь съ подобнаго рода виршами. Къ двадцатымъ годамъ—ко времени, болѣе или менѣе, сознательнаго чтенія и мышленія Гоголя—слава Котляревскаго очень велика; малороссійская литература даетъ также рядъ другихъ именъ. Такъ пишетъ Гулакъ-Артемовскій, появляется на горизонтѣ Квитка—Основьяненко [1]), вводящій не мало этнографическаго элемента. На русскомъ языкѣ выходитъ въ свѣтъ Бурсакъ Нарѣжнаго, писателя, не оцѣненнаго по достоинству своими современниками, и рядъ другихъ его произведеній, касающихся малороссійской жизни; пишетъ также свои повѣсти Погорѣльскій [2]). Изъ второстепенныхъ писателей назовемъ двухъ лицъ, близко стоявшихъ къ Гоголю—его отца Василія Аѳ. Гоголя, автора комедій изъ малороссійской жизни и одного изъ его учителей — И. Г. Кулжинскаго [3]), автора „Малороссійской Деревни" (1827) и „Ѳедюшки Мотовильскаго" (1833).

---

[1]) Объ немъ см. Н. И. Петрова. Очерки исторіи украинской литер. XIX ст. стр. 87.

[2]) А. Кирпичниковъ. Очерки по исторіи русской литературы. Стр. 76.

[3]) Проф. М. Н. Сперанскій. Одинъ изъ учителей Гоголя (И. Г. Кулжинскій). Нѣжинъ 1906 г.

Такимъ образомъ создается уже не маленькая литература, нерѣдко на самомъ малороссійскомъ языкѣ, по содержанію связанная съ народной малороссійской жизнью. И эта литература несетъ призывъ къ изученію своего народа и пробуждаетъ національное самосознаніе. Къ 20-мъ годамъ мы имѣемъ уже первые проблески зарождающейся малорусской этнографіи: въ 1819 г. выходитъ въ свѣтъ первый преслѣдующій болѣе или менѣе научныя цѣли сборникъ малороссійскихъ пѣсенъ князя Цертелева [1]), а черезъ 8 лѣтъ уже болѣе обстоятельный и умѣло составленный сборникъ Максимовича (1827), въ промежутокъ между ними вышеупомянутая „Малор. Деревня" Кулжинскаго, содержащая въ себѣ наряду съ другимъ этнографическимъ матеріаломъ рядъ малорусскихъ пѣсенъ. Наблюдаются также другіе признаки возбужденія общества къ этнографическому изученію Малороссіи— въ Харьковѣ сначала (въ 1816—19 г.) выходитъ „Украинскій Вѣстникъ", а позднѣе съ 1824 года „Украинскій Журналъ" [2]) подъ редакціей Склабовскаго, въ значительной степени преслѣдующій чисто этнографическія цѣли. Въ Великороссіи и Малороссіи развиваетъ свою энергичную дѣятельность этнографъ-археологъ, много выстрадавшій на своемъ вѣку, Доленга-Ходаковскій [3]).

Эти первые дѣятели малорусской этнографіи, естественно, вначалѣ изъ національныхъ чувствованій и идей, въ значительной степени проявляютъ романтическое воодушевленіе, столь свойственное этому времени, но наряду съ этимъ удивительно трезво судятъ о цѣляхъ и источникахъ этнографіи. Главное вниманіе обращается на обрядъ и особенно пѣсню, которую сначала опредѣляютъ съ эстетической стороны, но тутъ же ставятъ её въ связь съ исторіей своего народа и вообще его жизнью, отраженіемъ которой она является. У всѣхъ этихъ этнографовъ проводятся параллели между малор. и великор. пѣсней, соотвѣтственно съ исторіей и характеромъ этихъ народовъ. О важности и необходимости этнографическихъ изученій долго распространяться не пришлось—въ этомъ дѣлѣ помогали, видимо, непосредственное малорусское самосознаніе и малорусская живая литература, а также боль-

[1]) А. Н. Пыпинъ. Исторія русской этнографіи. Т. 3 стр. 12.
[2]) М. Н. Сперанскій у. с. стр. 10—11.
[3]) Пыпинъ у. с. стр. 38—87.

шая близость въ укладѣ жизни между разными классами малор. населенія, чѣмъ это было на сѣверѣ Россіи. Въ слѣдующій періодъ малор. этнографіи—съ 30 годовъ, она попадаетъ въ вполнѣ надежныя руки. Теперь дѣятельными этнографами являются настоящіе ученые—Максимовичъ, выпускающій въ 1834 году второй сборникъ пѣсенъ, Срезневскій, издающій Запорожскую Старину (1833—1838), Бодянскій, пишущій цѣлый рядъ статей по малор. этнографіи и въ частности о народной поэзіи („О народной поэзіи славянскихъ племенъ"). Съ рядомъ этихъ ученыхъ, малорусская этнографія вступила на вполнѣ должный научный путь. Характерно отмѣтить, что всѣ эти малор. этнографы были одновременно и славистами, и вообще зарожденіе и развитіе малорусской этнографіи стоятъ въ связи съ славянскими и панславянскими интересами того времени [1]). Этотъ послѣдній фактъ объясняетъ, почему въ каждомъ почти разсужденіи о малорусской народной поэзіи и обрядѣ дѣло всегда касается славянства, и малорус. этнографическія работы выводятся всегда на фонѣ обще-славянской старины.

Воспитавшись на этнографической литературѣ 20-хъ годовъ, Гоголь выступаетъ на литературное поприще, а въ дальнѣйшемъ —въ 30-е годы—идетъ рука объ руку съ только что названной группой этнографовъ ученыхъ, поддерживая со всѣми ими оживленныя дружескія сношенія. Весьма понятно, что у него должно быть много точекъ соприкосновенія съ ихъ взглядами и слѣдовъ ихъ вліянія. Т. о. въ своемъ народничествѣ, въ дѣлѣ этнографіи Гоголь вполнѣ примыкалъ къ своимъ современникамъ землякамъ какъ къ художественно-литературному движенію, такъ и къ научно-этнографическому.

Иначе дѣло обстояло въ Великороссіи. Если народническія идеи и мотивы мы наблюдаемъ уже въ XVIII вѣкѣ—со временъ Екатерины, то эти мотивы слишкомъ растворяются въ искусственной формѣ художественной литературы и теряютъ всю свою оригинальность. Таковы обработки народныхъ мотивовъ въ творчествѣ ложноклассиковъ—Державина, Екатерины II-й, Сумарокова, Хераскова и др., таковы размягченныя до приторности въ сенти-

---

[1]) Пыпинъ. 3. стр. 91—92.

ментальной поэзіи Карамзина и его подражателей[1]). Къ этому послѣднему примыкаетъ то возбужденное патріотическое направленіе, которое, исходя изъ исторіи Карамзина, проявляетъ себя въ такихъ тенденціозно хвалебныхъ романахъ, какъ Юрій Милославскій, Рославлевъ, Аскольдова Могила—Загоскина, романы Лажечникова и Булгарина. Въ 20-е годы идутъ въ литературѣ теоретическіе споры романтиковъ и ложноклассиковъ. Однимъ изъ самыхъ живыхъ и настоятельныхъ требованій романтизма выдвигается принципъ народности, мѣстнаго колорита и т. п. Само понятіе народности, о которомъ горячо спорятъ, однако очень неясно и расплывчато—поэтому потребовалось много времени и труда, чтобы романтическая народность уступила свое мѣсто трезвому и реалистичному ея пониманію. Нечего говорить о такихъ писателяхъ, какъ Полевой, Марлинскій; даже Жуковскій, несмотря на весь свой талантъ, не вложилъ въ свою поэзію подлинной народности—его поэзія, даже на народно-поэтич. сюжеты, оставалась чисто нѣмецкой полу-романтической, полу-сентиментальной [2]). Самъ Пушкинъ только благодаря своему исключительному дарованію и присущему ему художественному инстинкту побѣдоносно вывелъ русс. литературу на должный ей путь—реалистической—народной, въ широкомъ смыслѣ слова, поэзіи, которая весь XIX вѣкъ служила священной миссіи народничества. Но и онъ въ началѣ своей дѣятельности не избѣжалъ псевдо-народнаго вліянія, напр., написавъ звучную въ стихахъ, но ложную по содержанію поэму „Русланъ и Людмила“ [3]). Къ этой ходульности, на которую, волей судебъ, стала „народность“ въ художественной литературѣ, надо прибавить ту офиціальную народность, которая использовала животворящій и многообѣщавшій принципъ въ цѣляхъ реак-

[1]) Замотинъ. Романтизмъ 20-хъ годовъ XIX ст. въ русс. лит. Варшава. 1903. Глава I Литературная почва роматизма 20-хъ годовъ. Также Богумилъ, Начальный періодъ народничества въ русс. худ. лит. Кіев. Ун. Из. Кіев. 1908.

[2]) А. Н. Веселовскій въ своей книгѣ „В. А. Жуковскій Поэзія чувства и сердечнаго воображенія“ СПб. 1904, посвятилъ XV главу спеціально вопросу объ „народности и народной старинѣ въ поэзіи Жуковскаго“. „Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ, говоритъ В—ій, Жуковскій остался въ преддверіи романтизма“. (Стр. 507).

[3]) Краткій очеркъ постепеннаго роста настоящаго пониманія народности у Пушкина данъ въ статьѣ проф. В. Ѳ. Миллера „Пушкинъ какъ поэтъ этнографъ“ М. 1899.

ціонно-охранительныхъ. Официальная народность была провозглашена гр. Уваровымъ въ 1833 году и имѣла значительное вліяніе на развитіе соотвѣтствующей литературы въ духѣ самодержавія, православія и народности, равнявшейся, съ ихъ точки зрѣнія, крѣпостному праву.

Таково же положеніе и этнографіи. Этнографія въ Россіи въ первое время идетъ значительно большимъ окольнымъ путемъ, чѣмъ это было въ Малороссіи. Къ чисто научному пониманію своей задачи наши этнографы пришли послѣ цѣлаго ряда условныхъ и тенденціозныхъ направленій. Начатки этнографическаго изученія находимъ мы еще въ XVIII в., въ вѣкѣ, когда ложноклассицизмъ презрительно смотрѣлъ на подлую народную словесность. Но тѣмъ не менѣе даже у самихъ ложноклассиковъ не разъ заходила рѣчь объ этой поэзіи, гл. о., въ теоретическихъ разсужденіяхъ по стихосложенію, какъ у Ломоносова, такъ и у Тредьяковскаго [1]). Но наряду съ ложноклассицизмомъ появляются кое какія другія вѣянія, между прочимъ, народническое, хотя опять таки искусственное. Въ послѣднія десятилѣтія XVIII вѣка выходятъ труды Чулкова [2]). Собраніе разныхъ пѣсенъ (1770—1774), Русскія сказки (1780—1783) и „Абевега русскихъ суевѣрій“ (1786), въ которыхъ наряду съ поддѣланными подъ тонъ современныхъ западныхъ рыцарскихъ романовъ—русскими сказками и былинами гл. о. богатырскаго характера, попадаются нерѣдко настоящія подлинныя народныя произведенія. Издаются также сборники пѣсенъ и сказокъ другихъ лицъ, какъ М. Попова, Друковцова и др. съ тѣми же прикрашиваніями и измѣненіями. Наиболѣе удачнымъ и цѣннымъ является собраніе русскихъ народныхъ пѣсенъ съ ихъ голосами, положенныхъ на музыку Ив. Прачемъ, гдѣ издатель старается сохранить неприкосновенной подлинность народнаго творчества. Начало XIX вѣка ознаменовывается изданіемъ въ 1800 году Слова о Полку Игоревѣ, черезъ 4 года былъ изданъ, хотя, надо сказать, весьма плохо, сборникъ пѣсенъ Кирши Данилова. Онъ былъ переизданъ въ 1818 г. Калайдовичемъ въ своихъ разсужденіяхъ допустившимъ немало странностей. Эти два памятника быстро двинули русскую историческую и этнографическую мысль,

[1]) Пыпинъ, у. с. т. I. Стр. 64.
[2]) Ibid. 65—69.

вызвавъ цѣлый рядъ изслѣдованій, не прекращающихся и до нашихъ дней. Но все же настоящей этнографической науки не создалось. Лишь съ начала 30-хъ годовъ на сцену выступаютъ Сахаровъ и Снегиревъ. Но ихъ дѣятельность, равно какъ въ сороковыхъ годахъ, (я говорю объ этнографическихъ трудахъ) Надеждина [1]), по времени и настроенію связана съ официальной народностью, что несомнѣнно кладетъ свою печать на ихъ работы. Но, какъ бы то ни было, въ лицѣ Сахарова и Снегирева мы имѣемъ первыхъ нашихъ этнографовъ, поставившихъ себѣ вполнѣ опредѣленныя цѣли. Если въ ихъ трудахъ мы находимъ много заблужденій, много тенденціозности, подчасъ наивности, то съ другой стороны Сказанія Русскаго Народа и Пѣсни Сахарова, а также Пословицы и Простонародные праздники Снегирева дали массу цѣннаго, ранѣе неизвѣстнаго матеріала, уже однимъ своимъ богатствомъ поразившаго современниковъ. Критическаго отношенія къ собранному матеріалу у послѣднихъ еще не могло быть и они не замѣчали ни диллетантизма въ разсужденіяхъ, ни даже прямыхъ поддѣлокъ (какъ у Сахарова) въ самыхъ текстахъ. Позднѣе немного, въ 40-хъ годахъ, выходитъ въ свѣтъ „Бытъ Русскаго Народа" Терещенки; въ области живого народнаго языка собираетъ матеріалы Даль, словарь котораго вышелъ лишь въ 60-хъ годахъ. Настоящая русская этнографія начинается лишь съ 50—60 годовъ, когда работниками на ея нивѣ выступаютъ европейски образованные ученые—Аѳанасьевъ, О. Миллеръ, Буслаевъ и А. Веселовскій—съ дѣятельности которыхъ уже можно начаҭь исторію нашей этнографической науки.

Т. о. во времена Гоголя въ 30-е и 40-е годы мы видимъ лишь зарожденіе этнографіи, собираніе матеріаловъ и отсутствіе еще чисто научной мысли. Но если этнографія русская имѣла еще немного печатныхъ трудовъ, то во всякомъ случаѣ интересъ къ ней, жажда познаній изъ ея области были очень сильны—особенно въ Московскомъ кружкѣ—какъ разъ тамъ, гдѣ пришлось вращаться Гоголю и числившему въ своемъ составѣ Аксаковыхъ, Кирѣевскихъ, Погодина, Шевырева и др., равно какъ и въ средѣ такихъ писателей—друзей Гоголя, какъ Пушкинъ и Жуковскій, одинаково сильно интересовавшихся народностью и дѣлавшихъ

[1]) Ibid. Стр. 265 и слѣд.

попытки самостоятельнаго ея изученія и воспроизведенія [1]). Но все же главное вліяніе на Гоголя имѣла своя малорусская этнографія, какъ мы видѣли, опередившая свою сѣверную подругу и быстрѣе нашедшая подъ собой твердую почву. Подъ ея то вліяніемъ Гоголь выступилъ на литературное поприще.

II.

Дѣтскіе и ученическіе годы.

Дѣтство свое Гоголь провелъ въ такой обстановкѣ, которая болѣе всего могла способствовать развитію любви къ родной малороссійской пѣснѣ и быту. Гоголи, помѣщики небогатые, жившіе спокойной, скромной жизнью въ своей Васильевкѣ, постоянно соприкасались съ народомъ. Едва ли могъ Гоголь жить въ совершенномъ отдаленіи отъ простого народа—ему уже съ дѣтства открывалась его жизнь и его поэзія. Въ позднѣйшихъ своихъ письмахъ, какъ мы увидимъ ниже, онъ вспоминаетъ объ отдѣльныхъ случаяхъ народной жизни, свидѣтелями которыхъ онъ былъ. Такъ онъ посѣщалъ народныя свадьбы, наблюдалъ за старинной одеждой крестьянъ.

Въ самой своей семьѣ, въ кругу близкихъ родныхъ, Гоголь имѣлъ такихъ лицъ, которыя могли обращать вниманіе Гоголя и еще болѣе родить его съ малор. поэзіей. Отецъ Гоголя Василій Аѳанасьевичъ писалъ пьески изъ малор. жизни, въ домѣ жила тетка Гоголя Ходаревская, которая отличалась удивительнымъ знаніемъ малор. пѣсенъ. Но главное значеніе имѣли родственныя, постоянно поддерживавшіяся, связи съ тогдашнимъ малороссійскимъ магнатомъ Трощинскимъ, бывшимъ меценатомъ и покровителемъ всего того, что касалось Малороссіи, ея исторіи и поэзіи. Этому Трощинскому, человѣку весьма просвѣщенному, посвящены были главные труды по этнографіи. Якубовичъ посвятилъ ему свое изданіе Кирши Данилова (1804), Цертелевъ первый малорусскій сборникъ пѣсенъ [2]). Въ Кибенцахъ, имѣніи Трощинскаго [3]),

---

[1]) См. указанныя сочиненія Ак. *А. Н. Веселовскаго* и *Проф. В. Ѳ Миллера*, а также Пыпинъ. Ист. Эт. т. I, стр. 221.

[2]) М. Н. Сперанскій. Кулѣшскій. Стр. 29.

[3]) Шенрокъ. Біогр. мат. I. Стр. 47—48.

имѣлась богатая библіотека, собранія картинъ и древностей. Изъ этой сокровищницы родители Гоголя пользовались книгами, пользовался и самъ Гоголь [1]). Время болѣе или менѣе сознательнаго чтенія падаетъ на эти ученическіе годы Гоголя. Чтеніе играло большую роль для его развитія, гораздо бо́льшую, чѣмъ само ученіе [2]). Книгъ, находившихся въ гимназіи, видимо, не хватало для любознательнаго ума Гоголя, поэтому, судя по письмамъ, онъ постоянно обращается за ними въ Кибенцы [3]). Лѣтомъ, пріѣзжая домой, Гоголь ѣздилъ въ Кибенцы, гдѣ, естественно, пользовался библіотекой. По имѣющемуся у насъ каталогу этой библіотеки [4]) мы можемъ судить о тѣхъ богатствахъ, которыя она заключала, и въ частности о книгахъ, касавшихся Малороссіи. Въ библіотекѣ, видимо, было все, что послѣдней касалось: географическія, историческія, этнографическія сочиненія, путешествія и литературныя произведенія всѣхъ малор. писателей, также лѣтописи, рукописи и пр. Здѣсь-то Н. В. могъ находить богатый источникъ къ познанію своего края.

Въ Гимназіи Высшихъ Наукъ находились также лица, интересовавшіяся мѣстной этнографіей. Такъ, къ числу учителей Гоголя принадлежалъ вышеупомянутый Кулжинскій, авторъ Малороссійской Деревни, произведенія досмѣшного сентиментальнаго характера, однако имѣющаго по тому времени не малую цѣнность, благодаря внесенію живого этнографическаго элемента. Если Гоголь смѣялся надъ этимъ произведеніемъ и пародировалъ его [5]), называлъ его литературнымъ уродомъ, то съ другой стороны онъ же читалъ ее съ серьезною цѣлью—именно въ цѣляхъ этнографіи и дѣлалъ изъ нея выписки въ записной „Книгѣ Всякой Всячины или сподручной Энциклопедіи". Эта книга имѣетъ большое значеніе для опредѣленія этнографическихъ интересовъ Гоголя для конца учебнаго періода (книга заведена въ 1826 г.).

Но такъ какъ имъ она продолжалась нѣсколько лѣтъ позже, а по

---

[1]) Ibid. Стр. 46.

[2]) М. Н. Сперанскій Гимназія высшихъ наукъ и нѣжинскій періодъ жизни Н. В. Гоголя. Стр. 75. („Памяти Гоголя". Подъ ред. Посадскаго. Кіевъ. 1902).

[3]) Ср. письма (ред. Шенрока). Т. I, стр. 12, 13, 17, 19, 21, 25 и др.

[4]) Каталогъ антикв. библіотеки книгопродавца Е. Я. Федорова, пріобрѣтенной послѣ бывшаго министра Д. П. Трощинскаго. Кіевъ 1874.

[5]) Письма I, стр. 65.

нашему мнѣнію, въ большинствѣ своего содержанія относится къ періоду созданія Вечеровъ на Хуторѣ, то о ней мы будемъ говорить подробнѣе немного дальше.

Во всякомъ случаѣ, въ этотъ начальный періодъ своей жизни, передъ выходомъ на самостоятельный путь, Гоголь пріобрѣлъ интересъ къ этнографіи, и немудрено: какъ мы видѣли, вся обстановка и рядъ вліяній могли лишь этому способствовать.

Ему иногда приходилось высказываться по этому поводу. Въ высшей степени интересны воспоминанія Стороженка изъ послѣднихъ студенческихъ лѣтъ Гоголя. Эти воспоминанія показываютъ намъ, какъ рано созрѣвалъ въ немъ талантъ мѣткаго наблюдателя. Гоголь. по словамъ Стороженка, очень хорошо угадывалъ характеръ посторонняго ему человѣка и въ частности крестьянъ, осваивался быстро съ нимъ и производилъ своего рода опыты. На удивленіе, выражаемое Гоголю товарищемъ, какъ онъ хорошо изучилъ характеръ поселянъ, Гоголь воскликнулъ: „Ахъ! если бы это было въ самомъ дѣлѣ такъ: тогда всю жизнь свою я посвятилъ бы любезной своей родинѣ, описывая ея природу, юморъ ея жителей, съ обычаями, повѣріями, изустными преданіями и легендами. Согласитесь: источникъ обильный, неисчерпаемый, рудникъ богатый и еще непочатый“. Мы уже видѣли раньше, что Гоголь составляетъ себѣ книгу Всякой Всячины, въ которую вноситъ этнографическіе матеріалы. Въ приведенныхъ словахъ, если имъ вообще вѣрить, есть ясное указаніе на то, что въ эти годы интересъ къ народной жизни и словесности былъ довольно глубокъ, было также намѣреніе заняться ихъ изученіемъ—раскопать этотъ богатый и непочатый рудникъ....

Но вотъ онъ кончаетъ Гимназію Высшихъ Наукъ, стремится въ Петербургъ, занятъ мечтою о службѣ, какъ будто бы оставляетъ пока мысль объ изученіи и воспроизведеніи народной жизни, хотя увозитъ съ собою свою подручную энциклопедію.

III.

Собираніе этнографическихъ матеріаловъ для „Вечеровъ“.

Однако эта мысль скоро приходитъ ему въ голову, быстро овладѣваетъ имъ и доставляетъ Гоголю первую литературную славу. Въ 1829 г. онъ серьезно задумываетъ повѣсти изъ народнаго быта,

которымъ подъ конецъ дается названіе Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки. Воспроизвести художественно природу и жизнь малороссовъ съ ихъ преданіями, повѣріями и легендами—вотъ цѣль, которую, видимо, поставилъ себѣ Гоголь. Въ этой задачѣ, какъ она ставится и какъ исполняется—слышны романтическія идеи. „Вечера" связаны съ нѣкоторыми произведеніями западноевропейскаго романтизма не только по нѣкоторымъ общимъ взглядамъ, но и по болѣе близкой зависимости [1]) Но, съ другой стороны, всѣми доказано, что въ основныхъ сюжетахъ, въ бытовыхъ подробностяхъ Гоголь обнаружилъ большое знаніе помѣстной этнографіи [2]). Для написанія своихъ повѣстей Гоголю было мало своихъ прежнихъ наблюденій, поэтому онъ въ многочисленныхъ письмахъ на родину проситъ доставить ему нужное. Прослѣдимъ эти просьбы, т. к. по нимъ станетъ ясно, чѣмъ особенно интересовался Гоголь въ народной жизни, каковы его программы для собиранія этнографическаго матеріала, однимъ словомъ, выяснится кругъ его этнографическихъ интересовъ.

Первое пока извѣстное письмо къ матери, въ которомъ затрагивается вопросъ о собираніи этнограф. данныхъ, относится къ 30 апр. 1829 г. „Теперь вы, почтеннѣйшая маменька, пишетъ онъ, мой добрый ангелъ хранитель, теперь васъ прошу, въ свою очередь, сдѣлать для меня *величайшее* изъ одолженій. Вы имѣете *тонкій, наблюдательный умъ*, вы много знаете обычаи и нравы малороссіянъ нашихъ, и поэтому, я знаю, вы не откажетесь сообщить мнѣ ихъ въ нашей перепискѣ. *Это мнѣ очень нужно. Въ слѣдующемъ* письмѣ я ожидаю отъ Васъ описанія полнаго наряда сельскаго дьячка, отъ верхняго платья до самыхъ сапоговъ, съ поименованіемъ, какъ это все называлось у самыхъ закоренѣлыхъ, самыхъ древнихъ, самыхъ наименѣе перемѣнившихся крестьянъ; равнымъ образомъ названія платья, носимаго нашими крестьянскими дѣвицами, до послѣдней ленты, также нынѣшними замужними и мужиками. Вторая статья: названіе точное и вѣрное платья, носимаго до временъ гетманскихъ". Далѣе проситъ при-

[1]) См. работы Н. Котляревскаго. Н. В. Гоголь; Чудакова. Отношеніе творчества Гоголя къ Зап. Евр. Лит. (Кіев. Ун. Изв. 1908 г.); Тихонравова примѣчанія къ Вечерамъ; Замотина. Три романт. мотива въ творч. Гоголя. 1902.

[2]) Ср. статьи Петрова (Въ Кіев. сборн. въ честь Гоголя. 1902) и Чудакова въ Кіев. Ун. Изв. 1906.

слать „обстоятельное описаніе свадьбы, не опуская малѣйшихъ подробностей“, о колядкахъ, Иванѣ Купалѣ, русалкахъ. „Если есть кромѣ того какіе либо духи, или домовые, *то о нихъ подробнѣе*, съ ихъ названіями и дѣлами. Множество носится между простымъ народомъ повѣрій, разныхъ анекдотовъ, *страшныхъ сказаній*, преданій и пр. и пр. и пр. Все это будетъ для меня чрезвычайно занимательно“. Такъ высказывается просьба оказать „величайшее изъ одолженій“, сообщить нужныя и весьма занимательныя для него свѣдѣнія.

Значитъ, интересъ къ малорусской этнографіи жгучъ, проситъ сообщать ему скорѣе, но едва ли можно думать, что мысль о написаніи повѣстей изъ малороссійской жизни внезапно посѣтила Гоголя[1]. Есть намеки, что въ 1828 г. въ этой области у него уже были опыты: вѣроятно, былъ написанъ уничтоженный потомъ историческій романъ, начата повѣсть Страшный Кабанъ[2]) и т. д. В. И. Шенрокъ главнымъ побудительнымъ мотивомъ считаетъ матеріальную нужду Гоголя[3]), основываясь на собственныхъ словахъ Гоголя изъ только что приведеннаго письма: „Еще прошу васъ выслать мнѣ двѣ папинькины малороссійскія комедіи. Здѣсь такъ всѣхъ занимаетъ малороссійское, что я постараюсь попробовать, нельзя ли одну изъ нихъ поставить на здѣшній театръ. За то, по крайней мѣрѣ, мнѣ достался бы небольшой сборъ; а по моему мнѣнію ничѣмъ не надо пренебрегать, на все нужно обращать вниманіе. Если въ одномъ неудача, можно прибѣгнуть къ другому, въ другомъ—къ третьему и такъ далѣе. Самая же малость иногда служитъ помощью“. Конечно, была и экономическая причина[4]), лишь ускорившая занятія по воспроизведенію малор. жизни, но главное было то, что у Гоголя зрѣлъ интересъ къ жизни своего края, къ его этнографіи, особенно въ суровомъ далекомъ Петербургѣ. Подмѣченный имъ интересъ къ малороссій-

---

[1]) Шенрокъ. Біогр. мат. I. Стр. 256.

[2]) См. сочин. Гоголя, изд. X. Т. VII, стр. 952.

[3]) Шенрокъ. Біогр. мат. I, стр. 175—6.

[4]) Выставлять экономическіе мотивы передъ матерью м. б. заставляла Гоголя боязнь, какъ бы мать на это не посмотрѣла, какъ на баловство, подобно сосѣдямъ, о которыхъ Гоголь говоритъ въ письмѣ изъ СПБ. 1831 г. 17 п. (См. письма I, стр. 197).

ской жизни среди Петербургскаго общества [1]) поддерживаетъ и возбуждаетъ Гоголя заняться соотвѣтственнымъ трудомъ. Прежнія наблюденія вновь всплыли въ его головѣ. Ему припоминается, видимо, поразившій его въ дѣтствѣ старинный костюмъ одной дѣвицы, которую онъ видѣлъ у церкви; онъ вспоминаетъ Демьяна, „котораго *мы видѣли* учредителемъ свадебъ и который зналъ, повидимому, всевозможныя повѣрья и обычаи". Затѣмъ онъ указываетъ матери тѣхъ лицъ, которыя могутъ въ этомъ случаѣ оказать большую помощь—таковы старожилы—его бабушки Агаѳья Матвѣевна и Анна Матвѣевна и Ан. Осд. Тимченко, „смѣтливымъ замѣчаніямъ" которой Гоголь всегда удивлялся. Въ другомъ письмѣ [2]) онъ указываетъ на священника Савву Кирилловича, который, дѣйствительно, дѣлится затѣмъ съ Гоголемъ своими познаніями.

Для облегченія труда по собиранію матеріаловъ Гоголь совѣтуетъ матери имѣть корреспондентовъ въ разныхъ мѣстахъ ихъ повѣта.

Меньше чѣмъ черезъ мѣсяцъ Гоголь опять обращается къ матери [3]): Онъ съ нетерпѣніемъ ждетъ ея письма и увѣренъ, что мать не забудетъ его просьбы постоянно извѣщать его объ обычаяхъ Малороссіи. Далѣе онъ проситъ прислать описаніе карточныхъ и хороводныхъ игръ—У Панфиля, Пашокъ, семь лисковъ; въ хрещика, въ журавля. „У насъ, продолжаетъ онъ, есть повѣрья въ нѣкоторыхъ нашихъ хуторахъ, разныя повѣсти, разсказываемыя простолюдинами, въ которыхъ участвуютъ духи и нечистые. Сдѣлайте милость удружите которою нибудь изъ нихъ".

Вскорѣ онъ получаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія... Но іюнь и іюль мѣсяцъ нарушаютъ въ немъ душевное спокойствіе, столь необходимое для плодотворной работы. Изданный имъ „Ганцъ Кюхельгартенъ", плодъ его юношеской музы, неодобрительно и даже прямо враждебно принимается печатью, и Гоголь, скупивъ всѣ экземпляры, подвергаетъ ихъ сожженію. Подъ вліяніемъ такого неуспѣха, болѣзненно отозвавшагося на самочувствіи писателя, онъ рѣшилъ покинуть во что бы то ни стало Россію. Подобравъ рядъ

---

[1]) Въ связи съ этимъ см. статью Вл. В. Каллаша. Изъ исторіи малор. Лит. 20-хъ и 30-хъ гг. XIX в. Кіевъ. 1900.

[2]) Письма I, стр. 129.

[3]) Письма I, стр. 122.

случайно пришедшихъ въ голову причинъ, Гоголь въ письмѣ отъ 24 іюня [1]) сообщаетъ о своемъ намѣреніи матери... Несмотря на такой упадокъ духа, Гоголь тѣмъ не менѣе не оставляетъ мысли о художественномъ воспроизведеніи малорос. жизни, для чего ему требовались этнографическіе матеріалы. Въ постъ-скриптумѣ этого письма онъ приноситъ „чувствительнѣйшую и невыразимую благодарность за драгоцѣнныя извѣстія о малороссіянахъ и убѣдительно проситъ „неоставлять и впредь таковыми письмами". „Въ тиши уединенія я готовлю запасъ, котораго, порядочно не обработавши, не пущу въ свѣтъ; я не люблю спѣшить, а тѣмъ болѣе заниматься поверхностно". Какъ и въ предыдущихъ письмахъ, онъ настаиваетъ на точности передачи. А для доказательства необходимости этого онъ, видимо, выдумываетъ убѣдительный мотивъ „сочиненіе мое, если когда выйдетъ, будетъ на иностранномъ языкѣ и тѣмъ болѣе нужна мнѣ точность, чтобы не исказить неправильными наименованіями существеннаго имени націи". Или это одна изъ многочисленныхъ выдумокъ Гоголя или, дѣйствительно, уму Гоголя рисовались какіе-то планы о сочиненіи на иностранномъ языкѣ, въ такомъ случаѣ здѣсь едва ли идетъ рѣчь о художественномъ произведеніи—для этого Гоголь не зналъ такъ иностранныхъ языковъ. Не задумывалъ ли онъ этнографическаго или историческаго очерка Малороссіи?

Какъ бы то ни было и передъ самымъ отъѣздомъ за границу, онъ не перестаетъ интересоваться этнографическими матеріалами. Наоборотъ, онъ извиняется передъ матерью, „что и теперь не оставляетъ безпокоить ее подобными просьбами". Благодаритъ также „чувствительно почтеннѣйшаго Савву Кирилловича—священника и проситъ его также дѣлать приписочки въ письма". Вскорѣ Гоголь уѣхалъ и пробылъ до 22 сентября [2]). Пока прекратились его собиранія матеріаловъ. Но и за это время ему сообщили немало! Къ сожалѣнію, письма съ родины, съ описаніемъ быта и словесности не сохранились, но за то мы имѣемъ изъ нихъ выдержки въ книгѣ Всякой Всячины. Такъ на стр. 135 этой книги находимъ извлеченіе изъ письма 4 мая" [3])—о свадьбахъ малороссіянъ

[1]) Ibid. Стр. 123—9.

[2]) Кирпичниковъ А. И. Опытъ хронол. канвы къ біогр. Гоголя, стр. X.

[3]) Соч. Гоголя X изд., т. VII стр. 886.

на стр. 123 „изъ письма 2 іюня“—игра у ворона. Эти свѣдѣнія сообщены несомнѣнно Гоголю въ отвѣтъ на вышеприведенныя письма. Въ записной книжкѣ Р. А. № 2. (Пуб. и Рум. музеевъ), книжкѣ, принадлежашей къ этой же эпохѣ, также находится выдержка изъ письма матери[1]) „еще объ одномъ обрядѣ малороссіянъ: на масляной въ четвергъ всегда бываетъ женскій праздникъ, называемый Власьемъ, хотя и никогда тогда не бываетъ сего святого имени и жинки бьютъ своихъ человѣковъ днищами, чтобы они ихъ цѣлый годъ не били“.

Въ виду отсутствія подлинныхъ писемъ матери, разрѣшеніе вопроса „какую роль именно сообщенныя ею свѣдѣнія играютъ въ ряду другихъ источниковъ Вечеровъ“, Шенрокъ[2]) находитъ невозможнымъ. Тѣмъ больше должны имѣть значеніе вотъ эти отрывки изъ переписки, а также самыя записныя книги. Въ нихъ же мы имѣемъ богатый матеріалъ для сужденія объ этнографическихъ занятіяхъ Гоголя. По этому не лишне будетъ остановиться прежде всего на упомянутой нами не разъ Книгѣ Всякой Всячины. Заведенная еще въ 1826 г., она пополнялась, какъ сейчасъ увидимъ, гл. о. во время конца 1827 и 1828 года и даже, какъ сейчасъ было указано, 1829 г., т. о. объ ней удобнѣе всего говорить сейчасъ. Рукопись этой книги хранится въ библіотекѣ Румянц. музея. Выдержки изъ нея напечатаны Кулишемъ, а также описаніе ея сдѣлано В. И. Шенрокомъ въ VII т. X-го изд. сочиненій Гоголя[3]). Но описаніе это составлено поспѣшно и не полно, что сразу обнаруживается по чтеніи самой рукописи[4]).

Полное заглавіе: „Книга Всякой Всячины или подручная энциклопедія, составл. Н. Г. Нѣжинъ 1826 г.“ И дѣйствительно, здѣсь всякая всячина: замѣтки по древ. греческой архитектурѣ, мѣры вѣса, музыкальные инструменты древнихъ грековъ, сравненіе са-

---

[1]) Ibid. стр. 903. Эта выдержка вклеена между 76 и 77 стр. рукописи.

[2]) Шенрокъ. Біогр. Мат. т. 1 стр. 266.

[3]) Стр. 873—891.

[4]) На стр. 891 VII т. Сочиненій Гоголя г. Шенрокъ по описаніи 401 страницы замѣчаетъ: всѣ остальныя страницы оставлены пустыми. На самомъ дѣлѣ и на 417, 435, 447 рукописи помѣщенъ лексиконъ малорусскій. Не приведены многочисленныя пословицы на стр. 217 рукописи. Не указаны совершенно выдержки, сдѣланныя Гоголемъ изъ Флетчера съ примѣчаніями Гоголя на ср. 299 и др.

дового года во Франціи и Россіи и т. д., но большинство записей имѣютъ историческій и этнографическій характеръ. По выпискамъ изъ этой книги, у Гоголя можно подмѣтить интересъ къ внѣшнему быту древней Руси. Такъ, онъ выписываетъ свѣдѣнія о др. русскомъ бытѣ изъ сочиненій иностранцевъ о Россіи: Одерборна, Мейерберга, Флетчера, Герберштейна, Олеарія. Онъ останавливается гл. о. на обычаѣ и внѣшнемъ бытѣ. Изъ Одерборна беретъ описаніе старинной русской масляницы[1]), изъ Олеарія[2]) объ одеждѣ и обычаѣ русскихъ, изъ Мейерберга объ этомъ же предметѣ и срисовываетъ иллюстраціи старинныхъ костюмовъ. На стр. 299 рукописи находимъ большую выписку изъ Флетчера: о старинныхъ русскихъ свадьбахъ[3]). Къ этой выпискѣ Гоголь приложилъ примѣчанія, въ которыхъ приводитъ свѣдѣнія о свадьбахъ же по Герберштейну и Одерборну. Между прочимъ дѣлаетъ и свое личное замѣчаніе: „Удивительно почему Флетчеръ и прочіе путешественники молчатъ объ обычаѣ осыпать молодыхъ хмѣлемъ и пшеницей на порогѣ дома, на возвратномъ пути изъ церкви сей обычай до нынѣ сохранился въ нѣкоторыхъ губерніяхъ[4]). Откуда дѣлалъ эти выписки Гоголь не знаю. Въ подлинникѣ Флетчера онъ не могъ читать, не зная англійскаго языка[5]). Перевода же Флетчера на русскій языкъ не было. За попытку напечатать переводъ въ чтеніяхъ Общ. Ист. и др. Бодянскій въ сороковыхъ годахъ получилъ массу непріятностей и переводъ былъ вырѣзанъ изъ чтеній. Намъ понятно, почему Гоголь поспѣшилъ выразить горячее участіе Бодянскому, когда до него объ этомъ дошли слухи[6]). Этимъ, собственно, говоря и ограничиваются выписки по Русс. исторіи. По нимъ видно, что Гоголь обращалъ главное свое вниманіе на внѣшнюю бытовую жизнь Руси, что находится въ полномъ согласіи съ образнымъ мышленіемъ и творчествомъ Гоголя. Вѣдь и въ статьяхъ и занятіяхъ своихъ по исторіи Малороссіи и всеобщей исторіи—онъ больше любилъ рисо-

---

1) См. VII т. стр. 883.

2) Ibid. стр. 884.

3) Шенрокъ при описаніи рукописи въ VII т. соч. Гоголя это мѣсто совершенно пропустилъ.

4) Кн. Вс. Вс. 300-я стр. рукописи.

5) См. Шенрокъ біогр. Мат. т. 1.

6) Кирпичниковъ. Ук. соч. стр.

вать картины, ужъ не говоря про художественныя созданія изъ прошлаго Малороссіи—эти талантливѣйшія иллюстраціи къ малороссійской старинѣ. Весь остальной этнографическій матеріалъ уже всецѣло относится къ Малороссіи. Этотъ матеріалъ несомнѣнно составлялся изъ книжныхъ источниковъ и отчасти изъ собственныхъ и сообщаемыхъ другими наблюденій. Очень много мѣста удѣлено Малороссійскому Лексикону, составленному въ алфавитномъ порядкѣ. Источниками и пособіями для словаря послужили сочиненія Котляревскаго, пѣсни, собранныя Цертелевымъ (1819), Малороссійскія пѣсни, изданныя въ 1827 г. Максимовичемъ, Академическій словарь[1]). Эти источники указываются самимъ Гоголемъ въ скобкахъ при нѣкоторыхъ словахъ Малороссійскаго Лексикона. Изъ нихъ Гоголь бралъ объясненія словъ. Съ другой стороны, несомнѣнно, словарь составлялся и по лично собраннымъ даннымъ. Составлять его Гоголь сталъ не раньше 1827 года (его конца), т. к. изданіе пѣсенъ Максимовича относится къ этому году (Цензурное разрѣшеніе 27 апр.) Значеніе занятій Гоголя этимъ словаремъ для пріобрѣтенія этнографическихъ знаній было также большое - изучая народный языкъ, онъ знакомился и съ бытовой и внутренней жизнью народа; мы встрѣчаемъ массу народныхъ прозваній, выраженій, названій предметовъ, степеней родства, обрядовъ и пр.

Остальной матеріалъ уже прямо касается народнаго быта и вѣрованій. Игры, увеселенія малороссіянъ, малорусскія блюда и кушанья, малорусс. преданія, обычаи и обряды, одѣянія малоссіянъ, о свадьбахъ малороссіянъ, пословицы, поговорки и фразы малороссійскія, загадки и пр. Многіе отдѣлы представлены очень подробно. Напр. описаніе одежды и блюдъ. Загадокъ приведено 15, а малор. пословицъ и поговорокъ 149[2]). Матеріалъ здѣсь составлялся изъ двухъ источниковъ. Немало дали ему книги Максимовича и Кулжинскаго. Такъ отдѣлъ „Малороссіи отдѣльныя замѣчанія“[3]), малор. преданія, обычаи и обряды составились почти цѣликомъ на основаніи примѣчаній къ пѣснямъ у Максимовича. Ср., напр., троицкія пѣсни, купальскія пѣсни, обжинки, неболь-

---

1) Ср. Соч. Гоголя т. VII стр. 886.
2) Ср. 247 стр. рукописи.
3) Ср. 183 и сл. стр. рукописи.

шое замѣчаніе о свадьбѣ съ соотвѣтствующими мѣстами изъ книги Максимовича на стр. 218—222. Обычаи Малороссіи, помѣщенные на стр. 224 рукописи, взяты изъ „Малор. Деревни“ Кулжинскаго. Рядъ другихъ матеріаловъ, какъ мы выше указали, составленъ изъ выписокъ изъ писемъ матери. Самое подробное сообщеніе трактуетъ объ малор. свадьбахъ. Оно, видимо, составлено со всей точностью и подробностью, о чемъ какъ мы видѣли, не разъ настойчиво просилъ Н. В. Гоголь. Другое касается нарядовъ, къ чему дѣлаетъ приписку о нарядахъ дьячка вышеупомянутый іерей отецъ Савва. Въ этомъ же письмѣ мать Гоголя сообщаетъ ему описаніе игры въ ворона. Нѣкоторыя этнографическія данныя въ книгѣ подобраны черезъ словари, какъ Академическій и приложенный къ пѣснямъ Максимовича. Ср. отдѣлъ одѣянія малороссовъ. Такъ приходилось Гоголю добывать интересующія его свѣдѣнія, за отсутствіемъ соотвѣтствующей этнографической литературы!

Таково въ общемъ содержаніе Книги Всякой Всячины. Изъ него мы видимъ, что, если книга и относится къ 1826 году, то по времени внесенія въ нее матеріаловъ несомнѣнно, что въ большинствѣ своего содержанія она относится ко времени послѣ 1827, однимъ словомъ—ко времени окончанія Гоголемъ Гимназіи Высшихъ Наукъ, и дополняется въ Петербургѣ, когда Гоголь приступилъ къ составленію повѣстей съ этнограф. и историкоэтнографическимъ содержаніемъ. Далѣе мы видимъ, что изученіе народнаго быта и жизни Гоголь начинаетъ съ изученія извѣстныхъ ему и, для того времени почти единственныхъ, трудовъ по малорусской этнографіи Максимовича, Цертелева, а также сочиненія Котляревскаго и Кулжинскаго. Занимается этнографіей древней Руси по свѣдѣніямъ иностранцевъ о Россіи, вписываетъ въ книгу сообщенные этн. матеріалы. Кромѣ показаній этнограф. занятій и интересовъ Гоголя, книга эта важна для опредѣленія народныхъ источниковъ, легшихъ въ основу „Вечеровъ“ и „Миргорода“. Зависимость произведеній Гоголя отъ матеріаловъ, собранныхъ въ этой книгѣ, становится вполнѣ очевидной, при самомъ бѣгломъ прочтеніи. Подробно этой работы еще не произведено......

Пробывъ въ заграничномъ путешествіи всего два мѣсяца, Гоголь въ концѣ сентября уже въ Петербургѣ. Пока идутъ разныя хлопоты денежныя и служебныя, но уже вскорѣ онъ приступаетъ

къ продолженію работы надъ „Вечерами". Съ этого времени опять начинаются запросы въ Васильевку, продолжающіеся въ теченіе всего 30 и 31 гг.—въ періодъ самой горячей дѣятельности надъ созданіемъ 1-й и 2-й чч. „Вечеровъ на хуторѣ". Уже въ ноябр. письмѣ 1829-го года [1]) Гоголь проситъ мать, продолжать доставлять ему свѣдѣнія о повѣрьяхъ, обычаяхъ малороссіянъ, сказкахъ, преданіяхъ, находящихся въ простонародьѣ, и надѣется, что и сестра его Марья Васильевна не откажется помочь ему.

Въ февральской и март. книжкахъ за 1830 г.—въ „Отечеств. Запискахъ" подъ ред. Свиньина, выходитъ „Басаврюкъ или Вечеръ наканунѣ Ивана Купала". Гоголь, указывая матери, что теперь писаніе статеекъ въ журналѣ составляетъ его насущный хлѣбъ [2]), проситъ мать не сердиться, если онъ ее „часто безпокоитъ просьбою доставлять свѣдѣнія о Малороссіи или о чемъ подобномъ". Онъ проситъ записывать не только нравы, обычаи, повѣрья, но даже какой нибудь забавный анекдотъ между мужиками, если придется услышать. У старожиловъ проситъ отбирать свѣдѣнія „о старинѣ, одеждѣ, матеріяхъ, исторіи и анекдоты, которые случались въ ихъ время, смѣшные, забавные, печальные, ужасные". И все это „съ подробнѣйшей подробностью". Съ другой стороны, ему нужна вещественная старина, монеты и всякіе предметы, интересные въ археологическомъ отношеніи а также записки, веденныя предками к. н. старинной фамиліи, рукописи стародавнія про времена гетманщины и пр. Цѣль этого передъ матерью онъ объясняетъ будтобы необходимостью прислужиться одному вельможѣ, любителю отечеств. древностей.

Въ іюнѣ [3]) онъ сообщаетъ матери, что собираетъ только матеріалы и въ тишинѣ обдумываетъ свой обширный трудъ. Ему нужны этнограф. матеріалы. На родинѣ собираніе матеріаловъ шло, видимо, усиленнымъ темпомъ, т. к. Гоголь почти въ каждомъ письмѣ благодаритъ своихъ корреспондентовъ.

Въ концѣ лѣта 1831 года выходитъ въ свѣтъ 1-я часть „Вечеровъ". Успѣхъ Вечеровъ огромный. Интересъ къ нимъ великихъ поэтовъ Пушкина и Жуковскаго поддерживаетъ Гоголя въ

---

[1]) Письма I стр. 139.

[2]) Письма I стр. 144.

[3]) Ibid. Стр. 157.

дальнѣйшихъ занятіяхъ. Онъ продолжаетъ работу надъ второй частью Вечеровъ. Интересъ къ народности и ея художественному воплощенію у Гоголя увеличивается и благодаря аналогичнымъ занятіямъ въ то время Жуковскаго и Пушкина. И тотъ и другой заняты сказками. Это вызываетъ у Гоголя восторженное восклицаніе (въ письмѣ къ Жуковскому отъ 10 сент): „Осталось воспоминаніе и еще много кой чего достаточно усладитъ здѣшнее одиночество: это извѣстіе, что сказка ваша уже окончена и начата другая, которой уже одно прелестное начало чуть не свело меня съ ума. И Пушкинъ окончилъ свою сказку! Боже мой, что будетъ далѣе? Мнѣ кажется, что теперь воздвигается огромное зданіе чисто русской поэзіи [1])... Когда то я пріобщусь этой божественной сказкѣ!! [2]) Такъ восторженно Гоголь привѣтствуетъ худож. произведенія великихъ поэтовъ изъ области народнаго преданія—въ этомъ ему чудится зданіе чисто русской поэзіи. Ничего благодѣтельственнѣе не могло быть для дѣятельности Гоголя, какъ сочувствіе и встрѣча интересовъ у великихъ поэтовъ. Они всѣ заняты однимъ дѣломъ. „О съ какимъ бы я восторгомъ, пишетъ Гоголь Жуковскому, ловилъ жаднымъ ухомъ сладчайшій нектаръ изъ устъ вашихъ, приуготовленный самими богами изъ тьмочисленнаго количества *вѣдьмъ*, *чертей* и всего любезнаго нашему сердцу". Изъ этого видно, что особенно любезно было романтическому сердцу Гоголя. Недаромъ онъ въ предыдущихъ письмахъ къ матери и послѣдующихъ особенно проситъ сообщать ему о страшныхъ сказаніяхъ, ужасныхъ исторіяхъ и повѣріяхъ и т. п.. —Ободренный въ своихъ трудахъ Гоголь засѣлъ за продолженіе повѣстей изъ малоросс. жизни. Опять пошли письма на родину. 19 сент. 1831 г. онъ пишетъ сестрѣ: „ты помнишь ли, милая, какъ хорошо было начала собирать малор. сказки и пѣсни и, къ сожалѣнію, прекратила. Нельзя ли возобновить это—мнѣ оно необходимо нужно". Ему опять нужны старинные малор. костюмы. „Если увидите гдѣ нибудь у мужика старинную шапку и платье, отличающееся чѣмъ нибудь необыкновеннымъ, хотя бы даже бы-

---

[1]) Ср. аналогичное восклицаніе у Максимовича въ „Малор. Пѣсняхъ" (1827) въ предисловіи.

[2]) По этому же поводу см. также письмо Гоголя Данилевскому 2 н. 1831 г. Письма I. 196.

ло и изорвано — пріобрѣтайте". 17 н. 1831 онъ жалуется, что вокругъ Васильевки „мало старосвѣтскихъ людей—мнѣ и вамъ маминька не́ съ кѣмъ и слова завесть о старинѣ"... Къ январю 1831 г. была окончена 2-я часть „Вечеровъ", вышедшихъ въ мартѣ мѣсяцѣ въ свѣтъ.

Этимъ кончается первый періодъ дѣятельности Гоголя, и съ этого времени измѣняются, нѣкоторымъ образомъ, занятія этнографіей. Если въ это время мы наблюдали у него какъ по письмамъ, такъ и по нѣкоторымъ повѣстямъ Вечеровъ интересы къ малор. старинѣ, то съ этого времени онъ весь предается прошлому Малороссіи, ея исторіи и древнему быту. Говоря словами Ганца Кюхельгартена „назадъ далёко онъ живётъ".

IV.

Малороссійскія пѣсни.

1832 годъ далъ Гоголю рядъ знакомствъ среди лицъ, интересующихся и занимающихся этнографіей и въ частности малороссійской. Въ концѣ іюня онъ знакомится съ извѣстнымъ историкомъ Погодинымъ; съ перваго же разу у нихъ начинается разговоръ про исторію Малороссіи. Къ концу этого же года онъ знакомится съ извѣстнымъ историкомъ, лингвистомъ и этнографомъ Максимовичемъ; и съ нимъ устанавливаются пріятельскія отношенія. Въ этомъ же году онъ познакомился съ Бодянскимъ, а также Аксаковыми и Кирѣевскими. Всѣ означенныя лица своимъ участіемъ и своей поддержкой могли только содѣйствовать и покровительствовать занятіямъ Гоголя исторіей и этнографіей родного края.

Объ историческихъ занятіяхъ его мы будемъ говорить лишь постольку, поскольку дѣло соприкасается съ этрографіей. Со времени знакомства Гоголя съ Максимовичемъ между ними происходитъ большая переписка относительно пѣсенъ. И тотъ и другой были любителями и знатоками Малорусской народной поэзіи. Если прежде Гоголь собиралъ матеріалъ по внѣшнему быту и преданіямъ Малороссіи, то средина 30-хъ годовъ проходитъ въ страстномъ увлеченіи и собираніи именно пѣсеннаго матеріала. Это увлеченіе малороссійской пѣсней весьма характерно для такого романтически настроеннаго человѣка, какимъ былъ Гоголь

и оно должно быть учтено въ изученіи процесса жизни и творчества Гоголя какъ одинъ изъ могущественныхъ факторовъ.

Малороссійская пѣсня съ дѣтскихъ лѣтъ была любима Гоголемъ. Любовь къ ней сохранилась до самыхъ послѣднихъ дней жизни; она всё время звучала въ его ушахъ и часто, по собственному его признанію, побуждала его къ художественной дѣятельности.

Недавно извлеченныя изъ-подъ спуда въ Румянцов. Музеѣ огромныя тетради съ собственноручно переписанными пѣснями даютъ полное представленіе о собраніи Гоголемъ пѣсеннаго матеріала. Письма Гоголя свидѣтельствуютъ о ходѣ работъ и развитіи интереса къ малороссійской пѣснѣ. Это же увлеченіе малороссійской пѣсней отражаетъ почти каждая статья историческаго, художественнаго или критическаго содержанія, вышедшая изъ-подъ пера Гоголя въ серединѣ 30-хъ годовъ.

„Моя радость, жизнь моя пѣсни! Какъ я васъ люблю!" восклицаетъ Гоголь въ одномъ изъ писемъ. И дѣйствительно, имъ Гоголь удѣлилъ не мало мѣста въ своей жизни.

Раньше мы видѣли, что Гоголь былъ знакомъ съ бывшими тогда изданіями Малороссійскихъ пѣсенъ—Цертелева и Максимовича. Въ „Книгѣ всякой всячины" находится нѣсколько пѣсенъ; въ вышеприведенныхъ просьбахъ, обращенныхъ на родину, въ числѣ нужныхъ матеріаловъ иногда упоминаются также пѣсни. Спеціальный же интересъ къ малор. пѣснѣ зарождается въ концѣ 1832 и особенно разгорается въ теченіе 1833—34 гг.

Въ этомъ дѣлѣ ближе всего стоитъ къ нему Максимовичъ, съ которымъ идетъ въ эти и послѣдующіе годы по этому предмету оживленная переписка.

Лѣто и начало осени 1832 г. Гоголь провелъ у себя въ Васильевкѣ, гдѣ, несомнѣнно, самъ принималъ участіе въ записываніи пѣсенъ[1]). Вскорѣ послѣ его отъѣзда въ ноябрѣ ему присылаютъ пѣсни; изъ нихъ одна оказывается извѣстной, т. к. была раньше написана рукой Борисовны. Сообщенія этногр. и гл. о. пѣсеннаго характера поступали Гоголю втеченіе 1833 г. Ему нуж-

[1]) Гоголь любилъ бесѣдовать съ крестьянами и, по словамъ Эмиліи Коврига, воспитанницы матери Гоголя, въ деревнѣ весь досугъ проводилъ въ бесѣдахъ съ крестьянами. („Русское Слово" 1909. 20 марта) Ср. также воспоминаніе Стороженка (приведено Шенрокомъ, т. I).

ны сказки, которыя онъ ждетъ съ нетерпѣніемъ. Записываніе сказокъ Гоголь находитъ нѣсколько тягостнымъ дѣломъ и совѣтуетъ матери возложить этотъ трудъ на другихъ, какъ на сестру и тетку. Мать такъ и поступила. Она приказала списывать сказки какому-то Антошкѣ, за что Гоголь ее благодаритъ; только онъ опасается: какъ бы этотъ Антошка не умничалъ и не выбрасывалъ многаго[1]). Въ ноябрѣ мѣсяцѣ Гоголь получаетъ изъ дому большое количество пѣсенъ[2]), изъ которыхъ онъ находитъ одну, м. пр., очень характерной и хорошей. Это—„Що се братця, якъ барятця". Эта пѣсня такъ понравилась Гоголю, что онъ ее приложилъ къ ближайшему письму къ Максимовичу[3]). Но главное, что порадовало Гоголя—это присылка старинной тетради съ пѣснями, между которыми онъ находитъ многія замѣчательными. Видимо, Гоголь получилъ одинъ изъ очень распространенныхъ въ концѣ XVII и XVIII вв. рукописныхъ сборниковъ съ малороссійскими виршами и кантами и зачастую съ народными пѣснями. Въ письмѣ къ матери Гоголь совѣтуетъ поискать еще такихъ рукописей, которыя водятся, по его мнѣнію, въ старинныхъ сундукахъ, между старинными бумагами, у старинныхъ поповъ или потомковъ старинныхъ поповъ[4]).

Т. о., за эти годы у Гоголя понакопилось не мало этн., и въ частности, пѣсеннаго матеріала, собраннаго имъ во время лѣтняго пребыванія въ 1832 г. на родинѣ и черезъ своихъ корреспондентовъ. Гоголь подумываетъ объ изданіи пѣсенъ. Судьба свела его съ Максимовичемъ, который, какъ разъ послѣ перваго изданія своихъ пѣсенъ собиралъ матеріалъ для другого сборника, вышедшаго въ свѣтъ въ 1834 году. Гоголь соединился съ нимъ въ этомъ дѣлѣ, сталъ усердно помогать ему.

Онъ просмотрѣлъ, что у него было собрано въ прежніе годы, и кое-что послалъ Максимовичу; м. пр. посылаетъ виршу, говоренную запорожцами. Это, видимо, та вирша, которая давно была списана Гоголемъ въ Книгѣ всякой всячины[5]). Затѣмъ по мѣрѣ

---

[1]) См. письмо отъ 8 ф. 1833 г. т. I. Писемъ.

[2]) Письмо 22 н. 1833 стр. 264.

[3]) I. стр. 269.

[4]) I. стр. 264.

[5]) Вирша, говоренная Гетману Потемкину Запорожцами на свѣтлый праздникъ воскресенія. Стр. 41—43 ркп.

поступленія онъ посылаетъ нѣкоторые новые матеріалы, такъ что въ 1834 г., по свидѣтельству самого Гоголя, онъ переслалъ Максимовичу до 150 пѣсенъ[1]). Въ началѣ Гоголь, видимо, думалъ о совмѣстномъ изданіи пѣсенъ. Такъ, еще въ декабрѣ 1832 года[2]) онъ занятъ заказами „національной" виньетки для изданія пѣсенъ Максимовича и выражаетъ сожалѣніе, что „наши" пѣсни будутъ безъ виньетки. Въ ноябрѣ 1833 года онъ сообщаетъ Максимовичу, что у него накопилось до двухъ сотъ пѣсенъ, и замѣчательно, что многія изъ нихъ похожи совершенно на антики, на которыхъ лежитъ печать древности, но которые совершенно не были въ обращеніи и лежали зарытыми[3]). Однако эти пѣсни онъ намѣренъ прислать не раньше, пока Максимовичъ не пришлетъ ему и не дастъ вписать всѣ находящіяся у М-ча пѣсни, исключая печатныхъ и сообщенныхъ Гоголю раньше. Эта просьба обосновывается тѣмъ, что Гоголь не имѣетъ терпѣнія дождаться печатнаго изданія, а во вторыхъ, тѣмъ, чтобы не послать дублетовъ. Максимовичъ черезъ нѣкоторое время исполняетъ эту просьбу Гоголя. Въ слѣдующихъ своихъ письмахъ Гоголь не перестаетъ извѣщать своего друга о новыхъ пріобрѣтеніяхъ. Такъ, онъ пріобрѣлъ „много историческихъ пѣсенъ еще больше—прекрасныхъ", но выписываетъ только одну изъ нихъ, потому что не можетъ не утерпѣть отъ этого, въ то время какъ, упрекаетъ онъ, Максимовичъ не присылаетъ просимой тетради[4]). Въ мартѣ 1834 г., время, когда Гоголь страстно хлопоталъ о полученіи профессуры въ Кіевѣ, онъ пишетъ Максимовичу, что „пѣсни намъ нужно издать непремѣнно въ Кіевѣ. Соединившись вмѣстѣ, мы такое удеремъ изданіе, какого еще никогда не было. Весну и лѣто мы бы тамъ славно отдохнули, набрали матеріаловъ и къ осени уже засѣли работать"[5]). 20 апр.[6]) онъ опять обѣщаетъ прислать скоро кое-какія пѣсни, которыя должны войти въ послѣдній развѣ отдѣлъ перваго тома. Но, видимо, Гоголь пѣсенъ Максимовичу больше не посылалъ, хотя самъ лично пѣсни собиралъ и не только

---

1) Письмо къ Срезневскому. 6 м. 1834.
2) Письма I. стр. 230.
3) Письма I. Стр. 264.
4) Ср. также о пѣсняхъ февральское письмо Максимовичу.
5) Письма I стр. 282.
6) I. стр. 292.

въ этотъ годъ, но и въ 1835 году. (Ср. письма отъ 30 янв. и 22 сент. 1835 г. къ матери). Послѣ 1835 въ письмахъ мы не находимъ уже больше извѣстій. Гоголь занимался собираніемъ пѣсенъ, хотя интересъ къ самой пѣснѣ у него не уменьшался. (Издатель пѣсенъ собранныхъ Гоголемъ Г. П. Георгіевскій думаетъ, что Гоголь закончилъ процессъ собиранія малор. пѣсенъ ко времени своего отъѣзда за границу въ 1836 году[1]), —и это едва-ли можетъ быть подвержено сомнѣнію). Ср. также свидѣтельство Максимовича (въ полемикѣ съ Кулишемъ[2]). Т. о., мы видимъ, что Гоголь явился дѣятельнымъ сотрудникомъ для изданія Максимовича, вышедшаго въ 1834 году. Онъ туда помѣстилъ по вышеприведенной цитатѣ до 150 №№. Но у него были, какъ онъ сообщилъ, м. б. выражаясь гиперболически, Максимовичу, до 1000 ему неизвѣстныхъ пѣсенъ. Съ другой стороны, онъ въ письмѣ къ Срезневскому отъ 6 марта 1834 г. исчисляетъ, помимо этихъ послѣднихъ, еще 150, накопившихся по отсылкѣ Максимовичу. Совсѣмъ недавно Г. П. Георгіевскій издалъ собраніе пѣсенъ Гоголя по рукописямъ, хранящимся въ Рум. Музеѣ. Это изданіе показываетъ, какой большой пѣсен. матеріалъ накопилъ Гоголь за эти годы. Всего въ 2-хъ тетрадяхъ мы находимъ 412 малор. пѣсенъ. Сюда не входятъ тѣ пѣсни, какія Гоголь отсылалъ другимъ лицамъ[3]). По наблюденіямъ, сдѣланнымъ издателемъ Гоголевскихъ записей, онѣ стоятъ внѣ всякой зависимотти отъ печатныхъ текстовъ пѣсенъ, появившихся въ свѣтъ до Гоголевскаго собранія. Пѣсни Гоголя имѣютъ значеніе и для науки, благодаря точной и полной записи текста. Припомнимъ, какъ Гоголь въ письмахъ къ матери не разъ указывалъ на необходимость сохраненія полной точности при записываніи этногр. данныхъ, какъ онъ боялся, чтобы записыватель не прибавлялъ своего. Это лишній разъ подчеркиваетъ серьезное отношеніе Гоголя къ своей задачѣ и показываетъ, что въ этомъ онъ опережалъ дѣятелей современной ему русской этнографіи (Ср. гг. Сахарова и даже Срезневскаго)... Помимо пѣсенъ, отосланныхъ Гоголемъ Максимовичу и оставленныхъ при себѣ (а нынѣ изданныхъ). Гоголь пополнялъ своими матеріалами изданія другихъ собирателей, какъ сборникъ Метлинскаго (напечат. лишь въ

---

[1]) Памяти Жуков. и Гоголя, в. II, стр. 10.

[2]) Пыпинъ. Ист. Этн. т. 3 стр. 209.

[3]) Ibid. стр. 11—12.

1854 г. въ Кіевѣ, Народ. южнорусскія пѣсни, изданіе Метлинскаго) и сборникъ Кирѣевскаго. На стр. 48 4-го выпуска „Калѣкъ перехожихъ“ Безсонова подъ №№ 270—274 находимъ рождественскіе духовные стихи, произносимые при колядованіи. По замѣчанію собирателя, эти стихи сообщены Н. В. Гоголемъ, будучи имъ записаны по памяти; нѣкогда ребенкомъ онъ самъ распѣвалъ ихъ. Стихи эти при всей неуклюжести формы, при смѣси малор. языка съ церковнославянскимъ, со стариннымъ стихосложеніемъ, однако очень исправны и едва ли можно заподозрить Гоголя въ въ какихъ-либо измѣненіяхъ. Приведенный фактъ свидѣтельствуетъ лишній разъ, что Гоголь самъ близко подходилъ въ дѣтствѣ къ народной традиціонной жизни Малороссіи, былъ знакомъ съ ея поэзіей и обрядами.

Помимо своего личнаго участія въ собраніяхъ пѣсенъ и изданіяхъ, Гоголь вообще очень сочувственно относился и слѣдилъ за этнографическими работами по родной ему Украйнѣ. Онъ помимо личныхъ сообщеній извѣстнаго ему матеріала горячо интересуется ходомъ печатанія самаго сборника Максимовича, слѣдитъ за пополненіемъ матеріала, радуется богатому присовокупленію пѣсенъ. „Какъ бы я желалъ, пишетъ онъ Максимовичу, теперь быть съ вами и пересмотрѣть ихъ вмѣстѣ, при трепетной свѣчѣ, между стѣнами, убитыми книгами и книжною пылью, съ жадностью жида, считающаго червонцы“. Онъ ужъ не имѣетъ терпѣнія дождаться печатнаго изданія и проситъ списать пѣсни поскорѣе и прислать ему. Однако его отношеніе къ этому нетерпѣливо ожидаемому сборнику не ограничивается только подобными привѣтствіями и восклицаніями. Онъ подаетъ также практическіе совѣты по изданію.

Максимовичъ, въ свою очередь, видимо, очень дорожилъ совѣтами Гоголя, т. к. Гоголь въ одномъ изъ своихъ писемъ извиняется, что не толкуетъ ничего о пѣсняхъ. „Право, объясняетъ онъ, душа не въ такомъ состояніи“[1]). Надо замѣтить, что въ это время Гоголь сильно волновался изъ-за неполученія назначенія на каѳедру исторіи въ Кіев. Ун. Одинъ изъ совѣтовъ[2]) касается распредѣленія пѣсенъ по отдѣламъ. Гоголь недоволенъ системой

---

[1]) Письма I. 299.

[2]) Письма 286.

Максимовича, такъ какъ, по его мнѣнію, трудно напр., отдѣлить гулливую отъ любовной. „По мнѣ, разсуждаетъ онъ, раздѣленія не нужно въ пѣсняхъ, чѣмъ больше разнообразія, тѣмъ лучше. Я люблю вдругъ возлѣ одной пѣсни встрѣтить другую совершенно противнаго содержанія". Въ этихъ словахъ мы слышимъ скорѣе поэта-художника, ищущаго въ пѣсняхъ настроенія и образовъ; но и какъ научный издатель пѣсенъ Гоголь былъ отчасти правъ—раздѣленіе пѣсенъ и въ наши дни вещь довольно произвольная. Другой совѣтъ, и, надо сказать, дѣльный, касался перевода Максимовичемъ малор. пѣсенъ на русскій языкъ. Гоголь указываетъ на трудность этого перевода: „Есть пропасть такихъ фразъ, выраженій, оборотовъ, которые намъ малороссіянамъ, кажется, будутъ очень понятны для русскихъ, если мы переведемъ ихъ слово въ слово, но которые иногда уничтожаютъ половину смысла подлинника. Онъ совѣтуетъ прежде всего стараться вѣрно передать смыслъ и избѣгать для этого неупотребительныхъ на русскомъ выраженій. „Помни, продолжаетъ онъ, что твой переводъ для русскихъ и потому всѣ малорусскія обороты и конструкціи прочь". Между прочимъ, Гоголь приводитъ примѣры такого неправильнаго выраженія, которое Максимовичъ долженъ „мотать на усъ". (Еще въ Книгѣ всякой всячины находится примѣръ того, какъ надо передавать смыслъ народныхъ произведеній на другой языкъ: къ многочисленнымъ малор. пословицамъ присоединены соотвѣтствующія руссkія выраженія). Получивъ первый печатный листъ сборника, Гоголь съ радостью держитъ его въ рукахъ и говоритъ словами Дельвига: „Вотъ все, что осталось отъ прежнихъ думъ отъ прежнихъ лѣтъ"!. Онъ хочетъ пойти съ этими пѣснями къ Жуковскому и похвастаться Пушкину, а мнѣнія ихъ сообщить издателю. Въ цѣломъ рядѣ другихъ писемъ мы можемъ видѣть, какъ продолжителенъ и глубокъ былъ интересъ Гоголя къ сборнику Максимовича. Такъ. въ письмѣ отъ 18 іюля онъ сообщаетъ Максимовичу, что „отнесъ присланные экземпляры пѣсенъ по принадлежности и что Жуковскій читалъ нѣкоторыя и онѣ произвели эффектъ. Многія понравились наслѣднику". Далѣе онъ проситъ прислать ноты къ пѣснямъ[1]).

Но Гоголь слѣдилъ также и за другими сборниками, мы уже

---

[1]) I. Стр. 312—313.

говорили о сб. Метлинскаго. Его особенно интересовалъ также сборникъ галицкихъ пѣсенъ Вацлава Залѣсскаго[1]). „Очень замѣчательная вещь! Между ними есть множество настоящихъ Малороссійскихъ, такъ хорошихъ и съ такими свѣжими красками и мыслями, что весьма не мѣшаетъ ихъ включить въ гадаемое собраніе"[2]). Важно отмѣтить и то, что Гоголь зналъ въ рукописи, пересланной ему Максимовичемъ, богатое собраніе (до 2000 №№) пѣсенъ Ходаковскаго и долго держалъ ихъ у себя. По свидѣтельству г. Науменко, только небольшая часть изъ этого собранія перешла въ сборникъ Максимовича[3]).

Въ эти же годы нашъ поэтъ-этнографъ съ нетерпѣніемъ ждетъ выхода въ свѣтъ „Запорожской Старины" Изм. Ив. Срезневскаго, содержащей въ себѣ массу этнографическаго матеріала. Еще до знакомства своего со Срезневскимъ Гоголь въ письмѣ отъ 12 ф. 1834 года[4]) жалуется Максимовичу, что нигдѣ не можетъ достать Запорожской Старины. („Этотъ Срезневскій долженъ быть большой руки"... (дальше точки)! срывается съ его устъ замѣчаніе). Но вскорѣ же этотъ Срезневскій пишетъ большое письмо Гоголю по поводу Исторіи Малороссіи, и между ними начинается большая переписка. Гоголь указываетъ въ первомъ же къ нему письмѣ[5]), что Срезневскій оказалъ большую ему услугу изданіемъ Запорожской Старины. „Гдѣ выкопали вы столько сокровищъ? Всѣ думы и особенно повѣсти бандуристовъ ослѣпительно хороши. Изъ нихъ только пять мнѣ были извѣстны прежде, прочія были всѣ для меня новость. Онъ подумывалъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній и оцѣнку Запорожской Старины[6]) и къ этому дѣлу онъ приступилъ, уже написавъ извѣстную статью о „Малороссійскихъ пѣсняхъ", хотя въ другомъ мѣстѣ[7]) онъ самъ сознавался, что,

---

[1]) Piesni polskie i ruskie ludu Galicyjskiego. Z muzyka instrumentowana przez Karola Lipińskiego. Zebral y wydal Wacław z Oleśka. We Lewowie 1833.

[2]) I. Стр. 272.

[3]) Пыпинъ. Ист. Р. Эт. т. Ш. стр. 86—87. Не мѣшало бы, въ виду такого продолжительнаго изученія Гоголемъ рукописей съ пѣснями Ходаковскаго, сравнить съ ними изданныя теперь пѣсни собранія самого Гоголя.

[4]) П. I. Стр. 279.

[5]) Ibid. Стр. 280.

[6]) Ibid. Стр. 1834 1 іюня.

[7]) Ibid. Стр. 299.

написавъ статью, позабылъ самое главное, что, собственно говоря, служило поводомъ для статьи—это позабылъ сдѣлать разборъ собраній пѣсенъ Максимовича, Срезневскаго и Цертелева. Онъ одобряетъ мысль Срезневскаго напечатать обрядовыя пѣсни. „Не дурно бы, совѣтуетъ онъ, помѣстить ихъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ слѣдуютъ одна за другой во время обрядовъ съ объясненіемъ—при какихъ обстоятельствахъ. Это была бы очень нужная вещь, и вѣрно бы всѣ понимающіе важность этого дѣла были бы вамъ благодарны". За выпусками „Запор. Стар". онъ слѣдитъ очень внимательно и черезъ годъ послѣ этого письма выражаетъ Срезневскому свою радость, что тотъ разомъ напечаталъ 4 книжки Старины, которыя онъ съ нетерпѣніемъ жаждетъ читать[1]).

Въ то время, когда Гоголь былъ полонъ надежды поступить въ Кіевъ, онъ самъ мечтаетъ о томъ, сколько соберетъ тамъ преданій, повѣрій и пѣсенъ (П. Г. I. Стр. 271. Пушкину). Въ Кіевѣ лично вмѣстѣ съ Максимовичемъ онъ будетъ заниматься собираніемъ матеріаловъ[2]). Онъ боится, какъ бы не исчезли словесные памятники старины, и торопитъ въ дѣлѣ собранія[3]).

У насъ нѣтъ точныхъ данныхъ утверждать, что Гоголь самолично занимался записываніемъ нар. поэтическ. творчества непосредственно изъ устъ народа. Но изъ того, что было сказано выше, изъ нѣкоторыхъ намековъ въ письмахъ, мы можемъ говорить объ этомъ съ значительной степенью вѣроятности. Значительно позднѣе въ авг. 1835 онъ вмѣстѣ съ Максимовичемъ въ Кіевѣ самъ записываетъ пѣсни (Кулишъ. Зап. о жиз. Гог. I. 175.)

Т. о., мы видимъ въ Гоголѣ ревностнаго этнографа собирателя и издателя пѣсенъ. Онъ хорошо освѣдомленъ во всей этнограф. литературѣ, касающейся Малороссіи, съ нимъ совѣтуются главные представители этнографіи. Если какъ художникъ поэтъ онъ исходитъ изъ общихъ романтическихъ, столь модныхъ въ то время идей, разыскиваетъ страшныхъ и ужасныхъ преданій, какъ романтикъ своей родины пытается возсоздать другія картины прошлой Малороссіи, если въ своихъ розыскахъ, за этнографическими матеріалами, онъ ищетъ образовъ, подробностей,

---

[1]) Ibid. Стр. 347.

[2]) I 282.

[3]) I. Стр. 331.

необходимыхъ ему для художественныхъ произведеній[1]), чтобы вѣрно выдержать тотъ couleur local, о которомъ такъ много говорилось въ то время, то, съ другой стороны, онъ обнаруживаетъ интересы серьезнаго этнографа въ своихъ разсужденіяхъ, не мало трезвыхъ взглядовъ по вопросу объ изданіяхъ этнографич. матеріала (а для того времени, для начала научной работы, это былъ вопросъ далеко не легкій).

Гоголь прослылъ знатокомъ малоросс. пѣсенъ и къ нему обратился министръ нар. пр. гр. Уваровъ съ просьбой написать свой отзывъ о вышедшихъ сборникахъ малор. пѣсенъ. Гоголь написалъ по этому поводу статью „О малороссійскихъ пѣсняхъ".

Мы должны выяснить, по какимъ причинамъ Гоголь такъ увлекался пѣснями, въ какой связи съ его воззрѣніями и дѣятельностью стоитъ этотъ частный, но весьма интересный и характерный фактъ.

Любовь къ малор. пѣснѣ объясняется прежде всего дѣтскими впечатлѣніями. Мотивы пѣсенъ, кот. онъ слышалъ въ дѣтствѣ, да и сами пѣсни запечатлѣлись на всю жизнь въ его поэтической душѣ, становясь еще болѣе плѣнительными, еще болѣе очаровательными въ продолжительныя времена разлуки съ родиной. Недаромъ онъ пишетъ изъ-за границы: „Малороссійскія пѣсни со мною! Запасаюсь и тщусь сколько-нибудь надышаться стариною" (Погодину I. Стр. 621).

Но его плѣняетъ также народная малороссійская пѣсня, какъ продуктъ самой настоящей поэзіи. Въ отраженіи въ пѣснѣ самаго наивнаго міросозерцанія, съ полной правдивостью—Гоголь видитъ „печать чистаго первоначальнаго младенчества, стало быть и высокой поэзіи". Онъ подробно анализируетъ пѣсню именно съ этой поэтической стороны; находитъ, что въ „ней разомъ соединяются самая яркая и вѣрная живопись и самая звонкая звучность словъ". Само созданіе пѣсенъ онъ считаетъ дѣломъ особаго вдохновенія, когда творецъ ихъ отдѣляется совершенно отъ прозаическаго міра. Въ такія минуты „прочь дума и бдѣніе! Весь таинственный составъ его требуетъ звуковъ, однихъ звуковъ! Оттого поэзія въ пѣсняхъ неуловима, очаровательна, граціозна, какъ музыка. По-

[1]) Овсянико-Куликовскій. Гоголь въ своихъ произведеніяхъ. 1909. стр. 11.

эзія мыслей болѣе доступна каждому, нежели поэзія звуковъ, или лучше сказать поэзія поэзія. Ее одинъ только избранный, одинъ истинный въ душѣ поэтъ понимаетъ; и потому-то часто самая лучшая пѣсня остается незамѣченною, тогда какъ незавидная выигрываетъ своимъ содержаніемъ". И Гоголь думалъ, что онъ, какъ такой истинный поэтъ, понимаетъ народную поэзію. Поэтому понятно, что всякая пѣсня роитъ сразу въ немъ массу мыслей, создаетъ передъ нимъ цѣлую обстановку, всю жизнь и цѣлый рядъ образовъ, о чемъ лишь сама едва намекала. Намъ понятно, почему онъ въ изданіяхъ пѣсенъ стоялъ за поэтич. безпорядокъ лирическихъ пѣсенъ; понятно также, почему небольшія малороссійскія думы, какъ о Сагайдачномъ и Тетеренкѣ[1]), развивались у него въ цѣлую эпопею о Тарасѣ Бульбѣ. Естественно, что Гоголь большое значеніе придавалъ пѣснѣ при изученіяхъ старины. И это главное и важное для насъ при опредѣленіи личности и міровоззрѣнія Гоголя и въ своихъ на видъ какъ будто кабинетныхъ, сухихъ, логическихъ занятіяхъ исторіей Гоголь оставался „поэтомъ творящимъ".

Вотъ какъ онъ смотритъ на пѣсню въ ея значеніи, какъ историческаго документа: „Я не распространяюсь о важности народныхъ пѣсенъ. Эта народная исторія, живая, яркая, исполненная красокъ, истины, обнажающая всю жизнь. Если его жизнь была дѣятельна разнообразна, своевольна, исполнена всего поэтическаго, и онъ при всей многосторонности ея, не получилъ высшей цивилизаціи, то весь пылъ, все сильное, юное бытіе его выливается въ народныхъ пѣсняхъ. Онѣ—надгробный памятникъ былого, болѣе нежели надгробный памятникъ: камень съ краснорѣчивымъ рельефомъ, съ историческою надписью - ничто противъ этой живой, говорящей, звучащей о прошедшемъ лѣтописи. Въ этомъ отношеніи пѣсни для Малороссіи—все: и поэзія, и исторія, и отцовская могила... Пѣсни малороссійскія могутъ вполнѣ назваться историческими, потому что онѣ не отрываются ни на мигъ отъ жизни и всегда вѣрны тогдашней минутѣ и тогдашнему состоянію чувствъ. Вездѣ проникаетъ ихъ воля казацкой жизни". („Мал. Пѣсни".)

[1]) И. Каманинъ. Научныя и литерат. произведенія Гоголя по Исторіи Малороссіи. (Памяти Гоголя. Научно-Лит. Сборникъ, изданный Историч. Общ. Нест. Лѣтоп. Кіевъ. 1902). Стр. 116—117.

Съ этой точки зрѣнія, ему цѣнна всякая пѣсня, по которой онъ узнаетъ „вѣрный бытъ, стихіи характера, всѣ изгибы и оттѣнки чувствъ, волненій, страданій, веселій изображаемаго народа"[1]). „Вы не можите себѣ представить, пишетъ онъ Максимовичу, какъ мнѣ помогаютъ въ исторіи пѣсни. Даже не историческія, даже (неприличныя); онѣ всѣ даютъ по новой чертѣ въ, мою исторію, все разоблачаютъ яснѣе и яснѣе, увы! прошедшую жизнь и увы! прошедшихъ людей". (т. I. стр. 264.) Вообще Гоголь пришелъ къ весьма опредѣленному выводу, что пѣсня есть самый цѣнный и вѣрный историч. источникъ, сравнительно съ другими, м. пр. лѣтописями. Когда Из. Пв. Срезневскій написалъ письмо[2]) Гоголю по поводу его занятій исторіей Малороссіи, и въ этомъ письмѣ, между прочимъ, указалъ, что въ своей Запорож. Старинѣ онъ намѣренъ представить 1) важность народной словестности запорожской въ смыслѣ историческомъ и этнографическомъ; 2) отношеніе, какое имѣетъ произведеніе народной словѣстности къ лѣтописямъ и народнымъ преданіямъ. Гоголь въ отвѣтномъ письмѣ высказалъ опредѣленное мнѣніе по этому предмету. Онъ „охладѣлъ къ лѣтописямъ, напрасно силясь въ нихъ найти то, что хотѣлъ бы отыскать". Лѣтописи слишкомъ кратки, безжизненны. А между тѣмъ, сколько подвиговъ, сколько дѣлъ оказалъ этотъ народъ, исторія котораго, по мнѣнію Гоголя, должна быть интереснѣе всѣхъ другихъ самостоятельныхъ народовъ[3]).

„И потому-то каждый звукъ пѣсни, пишетъ Гоголь, мнѣ говоритъ живѣе о прошедшемъ, нежели наши вялыя и короткія лѣтописи, если можно назвать лѣтописями не современныя записки, но позднія выписки, начавшіяся уже тогда, когда память уступила преданію. Эти лѣтописи похожи на хозяина, прибившаго замокъ къ своей конюшнѣ, когда кони были украдены„ [4]). Гоголь такъ высоко ставитъ важность пѣсни, что увѣряетъ: „Если бы нашъ край не имѣлъ такого богатства пѣсенъ, я бы никогда не писалъ исторіи его, потому что я не постигнулъ бы и не имѣлъ

---

[1]) „О Малор. Пѣсняхъ".

[2]) См. статью „Н. В. Гоголь въ перепискѣ съ Ив. Ив. Срезневскимъ въ 1834—1855 г.„ Русс. Стар. 1892 г. т. III стр. 754.

[3]) I. Стр. 278.

[4]) I. 279.

понятія о прошедшемъ или бы моя исторія была совершенно не то, что я думаю съ нею сдѣлать теперь. Эти-то пѣсни заставили меня съ жадностью читать всѣ лѣтописи и лоскутки какого бы то ни было вздору"[1]). Черезъ пять лѣтъ Малороссійская пѣсня оказываетъ тоже воздѣйствіе на Гоголя, вотъ что онъ пишетъ Шевыреву: „Но что главное и что можетъ быть тебя заинтересуетъ (ибо ты любишь меня, какъ и я люблю тебя) это посѣщеніе, которое сдѣлало мнѣ вдохновеніе. Передо мною выясняются и проходятъ поэтическимъ строемъ времена казачества, и если я ничего не сдѣлаю для этого, то я буду большой дуракъ. *Малороссійскія ли пѣсни, которыя теперь у меня подъ рукою,* навѣяли ихъ, или на душу мою нашло яснопидѣніе прошедшаго, только чую много того, что намъ рѣдко случается. Благослови!"[2]) То почти отрицательное и во всякомъ случаѣ второстепенное значеніе, какое Гоголь отводилъ лѣтописямъ для своей исторіи, и предпочтеніе, даваемое пѣснямъ, объясняется прежде всего поэтическимъ, чисто романтическимъ настроеніемъ, съ которымъ Гоголь подступалъ къ труду по исторіи и которую такъ и не написалъ. Но съ другой стороны, какъ говоритъ г. Каманинъ[3]) „со мнѣніемъ Гоголя о малороссійскихъ лѣтописяхъ нельзя не соглашаться: онѣ дѣйствительно или противорѣчатъ или повторяютъ другъ друга. Установить ихъ большую или меньшую достовѣрность въ цѣломъ или въ частяхъ Гоголю трудно было, не имѣя опоры для своей исторической критики въ актовыхъ данныхъ".

Надо замѣтить, что при изученіи исторіи какого-нибудь народа Гоголь отводилъ большое мѣсто въ рядѣ источниковъ произведеніямъ народной словесности. Занимается ли онъ исторіей Малороссіи, онъ въ своемъ объявленіи „объ изданіи Исторіи Малороссійскихъ казаковъ" проситъ сообщать ему на ряду съ лѣтописями, записки пѣсенъ, повѣсти бандуристовъ. Изучаетъ ли Исторію Среднихъ вѣковъ (Соч. Гоголя изд. X, т. 276) онъ въ число источниковъ включаетъ „созданія поэтическія, выражающія вѣрно бытъ народный: историчес. баллады, народныя пѣсни, которыми, замѣчаетъ онъ, особенно богаты христіанская Испанія, Шотландія, народы славянскіе—народы терпѣвшіе большія по-

[1]) Ibid.

[2]) Письма I. Стр. 629.

[3]) Ук. Соч. Стр. 111.

трясенія и не имѣвшіе гражданскаго образованія". Знакомится ли онъ съ прошлымъ славянъ и, въ частности, Галиціи, онъ спрашиваетъ Погодина, нѣтъ ли гдѣ какого-нибудь описанія обрядовъ, обычаевъ ихъ и проч.[1]).

Если, по словамъ Гоголя, этнографическіе матеріалы имѣютъ большое значеніе для историческаго изслѣдованія, то намъ a priori становится яснымъ, какую большую роль они должны играть въ художественныхъ произведеніяхъ на историческія темы какъ Тарасъ Бульба, Вій, Пропавшая грамота, Заколдованное мѣсто и др. Это доказывается массою примѣровъ какъ въ примѣчаніяхъ Тихонравова къ X изданію сочиненій Гоголя, въ біографическихъ матеріалахъ Шенрока, такъ и въ спеціально посвященныхъ этому предмету статьяхъ, какъ Петрова, Сумцова, Каманина и Чудакова. Этотъ вопросъ очень важный и интересный, и онъ въ свою очередь даетъ многія данныя для сужденія о Гоголѣ, какъ этнографѣ. Одно можно сказать, что по этимъ изслѣдованіямъ опровергаются мнѣнія гг. Кулиша и Царынпаго, еще въ давніе годы укорявшихъ Гоголя въ недостаточныхъ этнографическихъ знаніяхъ, и подтверждаетъ за Гоголемъ какъ великолѣпное знаніе внѣшней, бытовой жизни Малороссіи и въ частности ея древнихъ временъ[2]), такъ и огромный запасъ свѣдѣній въ области народ. словесности[3]). Но этотъ вопросъ въ тему нашей статьи не входитъ.

V.

Изученіе великорусской народности.

Къ началу 1836 года Гоголь былъ отставленъ отъ должности профессора, къ этому же времени вышли въ свѣтъ его „Миргородъ" и „Арабески", закончились его занятія Исторіей Малороссіи и въ этомъ же году съ выходомъ въ свѣтъ его „Ревизора" Гоголь отдался всецѣло творчеству изъ обще-русской дѣйствительности. Съ этой перемѣной содержанія его литературныхъ трудовъ, измѣняются и спеціальныя занятія Гоголя этнографіей— его взоры устремлены теперь на бытъ и жизнь Великороссіи.

---

[1]) Письмо отъ 18 генв. 1836 г.

[2]) Указ. соч. Каманина.

[3]) Шенрокъ, Чудаковъ, Петровъ, Сумцовъ.

Конечно, интересъ къ родной Малороссіи не прекратился, моментами вспыхивалъ, но все же отошелъ на второй планъ.

Въ этомъ же 1836 году Гоголь покидаетъ Россію, ѣдетъ въ чужіе края, чтобы, смотря на Русь изъ „прекраснаго далека", заняться начатыми еще въ 1835 году „Мертвыми душами". „Мертвыя души" становятся отъ сихъ поръ главной заботой, главнымъ содержаніемъ его умственной и творческой дѣятельности, въ связи съ этимъ дѣломъ стоитъ и изученіе русской жизни.

Это изученіе, какъ и въ прежнихъ случаяхъ, идетъ двумя путями: черезъ книги и черезъ свѣдѣнія, добываемыя Гоголемъ отъ свѣдущихъ лицъ. Изрѣдка, какъ и прежде, Гоголь прибѣгаетъ къ своимъ собственнымъ наблюденіямъ съ этнографической цѣлью Но послѣднее онъ могъ производить рѣдко, т. к. почти все время провелъ за границей. Недаромъ упрекали Гоголя, что живя въ чужихъ краяхъ, онъ позабылъ истинную дѣйствительность Россіи. Этого послѣдняго боялся и самъ Гоголь; потому онъ такъ энергично въ сороковые годы берется за этнографическое изученіе Россіи, поэтому онъ ищетъ и, какъ онъ выражается, погружается въ такія произведенія, въ которыхъ сквозитъ „истинно-русскій духъ", поэтому онъ ищетъ такихъ корреспондентовъ, какіе сообщали бы ему о Россіи. Но, отставъ отъ дѣйствительности русской жизни и обратившись въ сторону мистическихъ исканій, Гоголь переноситъ черты этого мистицизма и въ изученіе народности: онъ ищетъ коренныхъ устоевъ русскаго народа и въ пониманіи этихъ устоевъ онъ недалекъ отъ такъ называемой офиціальной народности.

Оставивъ въ сторонѣ вопросъ о томъ, насколько Гоголь зналъ и понималъ дѣйствительное положеніе Россіи въ соціальномъ, общественномъ и политическомъ отношеніи, мы прослѣдимъ изученіе Россіи Гоголемъ въ этнографическомъ отношеніи, въ тѣсномъ смыслѣ слова.

Въ первое время послѣ отъѣзда за границу, Гоголь былъ еще полонъ русскими впечатлѣніями и его произведеніе болѣе или менѣе подвигалось впередъ. Вотъ что онъ пишетъ Жуковскому изъ Парижа 12 ноября 1836 г. „Снова веселъ. „Мертвыя" текутъ живо, свѣжѣе и бодрѣе, чѣмъ въ Веве, и мнѣ совершенно кажется, какъ будто я въ Россіи: передо мною все наше—наши помѣщики, наши чиновники, наши офицеры, наши мужики, наши

избы—словомъ вся православная Русь. Мнѣ даже смѣшно, какъ подумаю, что пишу „Мертвыя души“ въ Парижѣ.“

Но чѣмъ дальше шло время, тѣмъ туже писались „Мертвыя души“. а съ другой стороны нездоровье тяготило Гоголя. Да и тоска по родинѣ давала себя знать, естественно „послѣ Тасса и Данта, душа жаждала послушать русскаго“[1]). Въ 1837 году онъ проситъ выслать ему рукописныя его бумаги. безъ которыхъ онъ какъ безъ рукъ,[2]) среди нихъ масса выписокъ и м. пр., малоросійскія пѣсни[3]). Наряду съ этимъ „ему интересно прочитать, что вышло по русской исторіи, изданія Нестора или Кіевской лѣтописи, Ипатьевской или Хлѣбниковскаго списка. Если вышелъ—переводъ славянской исторіи Шафарика или что нибудь относительно славянъ или миѳологіи славянской. Также к. н. акты къ древне-русской исторіи или *хорошое изданіе руѣскихъ пѣсенъ или малороссійскихъ. Также, если что есть насчетъ раскольническихъ сектъ. Если вышло Снегирева описаніе праздниковъ и обрядовъ*—пришли или другого какого-нибудь“.

Т. о., теперь ему нужны болѣе всего уже книги по русской исторіи и этнографическіе матеріалы, г. о. великорусскіе. Послѣдними Гоголь интересовался, положимъ, также раньше. Еще въ 1834 г. онъ справлялся у Погодина, „правда ли, что Кирѣевскій печатаетъ „русскія пѣсни“?[4]) Съ другой стороны, онъ самъ составлялъ собраніе в.-р. пѣсенъ, которое сохранилось до нашихъ дней въ изящно переписанной самимъ Гоголемъ тетрадкѣ и недавно было издано въ свѣтъ.[5]) Это собраніе невполнѣ самостоятельно, вопреки мнѣнію г. Георгіевскаго. А. В. Марковъ, въ „Э. О“, 1908; LX, указалъ на заимствованіе изъ Кирши Д-ва и Пѣсенника 1780 г. Укажу еще на пѣсенники 1791 г. (у Г-ля №№ 2, 3, 10, 11, 15, 18, 20, 22, 30) и 1795 (у Г-ля: 14, 19, 23, 29, 32, 36).

Во всякомъ случаѣ связь Гоголевскаго собранія съ тѣми или другими пѣсенниками XVIII и XIX вв. несомнѣнна. Все это, однако, не умаляетъ значенія Гоголя, какъ этнографа. При страстной любви къ народной пѣснѣ, за неизмѣненіемъ достаточнаго нау-

---

[1]) I. стр. 447.

[2]) I. стр. 446.

[3]) I. стр. 456.

[4]) Письмо 11 Января 1834 г. I стр. 275.

[5]) *Георгіевскій.* Пѣсни, собранныя Н. В. Гоголемъ. СПБ. 1908.

чнаго матеріала ему приходилось обращаться къ рукописнымъ и печатнымъ источникамъ, преслѣдующимъ нѣсколько иныя цѣли. Нельзя не подчеркнуть, что въ выборѣ пѣсенъ Гоголь проявилъ замѣчательное чутье къ чисто народной поэзіи. Искуственныхъ лже-народныхъ стихотвореній изъ пѣсенниковъ Гоголь не выписывалъ.

Пѣсни великорусскія собраны были, какъ думаетъ г. Георгіевскій, въ одно время съ малороссійскими. Запись ихъ относится по мнѣнію издателя ко времени до 1836 года, хотя, кромѣ такихъ весьма неустойчивыхъ основаній, какъ тожество внѣшности и почерка во всѣхъ тетрадяхъ, содержащихъ пѣсни, съ почеркомъ другихъ произведеній Гоголя этой эпохи, другихъ доказательствъ нѣтъ. Весьма возможно, что пѣсни собраны и послѣ 1836 года—въ 40-хъ годахъ, когда Гоголь, какъ увидимъ, занимается собираніемъ этнограф. свѣдѣній гл. о. по Великороссіи. Объ великорусскихъ пѣсняхъ, находящихся у него, Гоголь никому не говорилъ въ своихъ письмахъ и даже въ приведенномъ письмѣ 1837 года, перечисляя находящіяся въ его бумагахъ матеріалы, указываетъ лишь на однѣ малор. пѣсни.[1]) Своими же великорусскими пѣснями Гоголь дѣлится гл. о. въ 40-е годы (ср. ниже). Гоголевское собраніе великорусскихъ пѣсенъ содержитъ 105 №№.

Мы видѣли, что въ концѣ 1837 года Гоголь проситъ прислать ему нѣкоторые труды по этнографіи русской и въ частности о славянствѣ.

Въ 1839 году онъ проводитъ значительное время съ такими знатоками русской и славянской исторіи и словесности, какъ Погодинъ, Шевыревъ. Между ними часто происходятъ разговоры, затрагивающіе общія для нихъ темы. Интересъ Гоголя къ славянству возникъ довольно сильно подъ вліяніемъ Погодина, который, по словамъ Гоголя, выписалъ въ Маріенбадъ[2]) „цѣлую кучу разныхъ славянъ“, куда черезъ нѣсколько времени направилъ свой путь самъ Гоголь. Онъ занимается теперь славянствомъ, читаетъ книги, м. пр. лично присланныя ему Шафарикомъ[3]) (несомнѣнно по ходатайству Погодина), читаетъ подаренныя ему „Старожитности“ и дивится ясности взгляда и глубокой дѣль-

---

[1]) Письмо I стр. 456.

[2]) Письмо 25 мр. 1839 г., стр. 579.

[3]) I стр. 595.

ности. „Кое гдѣ встрѣчаю собственныя мысли, которыя хранилъ въ себѣ и хвастался втайнѣ, какъ открытіями, и которыя, натурально, теперь не мои, замѣчаетъ онъ, потому что уже не только образовались, но даже напечатались прежде моего". Фактъ изученія Гоголемъ славянства подтверждается какъ письмами, такъ и оставшимися послѣ него рукописями, посвященными исторіи славянства (ср. перечень этихъ рукописей въ III т. X-го изданія сочиненій Гоголя стр. 895). Славянствомъ Гоголь занимался въ 30-е годы, когда посвящалъ свою дѣятельность исторіи вообще. Теперь же у него интересъ къ славянству и въ частности къ трудамъ Шафарика сосредоточивался на этнографической сторонѣ. Еще годомъ раньше, онъ (см. выше) интересовался гл. о. миѳологіей славянской, да и теперь славянскія изученія стоятъ въ связи съ чтеніемъ книгъ по русской этнографіи. Не лишнее замѣтить, что Шафарикъ[1]) въ данное время также работалъ надъ этнографіей славянъ и въ частности малороссовъ, подготовляя свой „Славянскій народописъ". Точекъ соприкосновенія въ интересахъ у него съ Гоголемъ было много и, въ частности, по вопросу о боготворимой Гоголемъ малороссійской пѣснѣ, о богатствѣ и важности которой Шафарикъ писалъ еще въ 1826 г. въ своей исторіи Славянскихъ Литературъ[2]), и даже въ выраженіяхъ, весьма сходныхъ съ Гоголемъ. . Съ другой стороны. Гоголь завязываетъ сношенія съ другимъ изъ первыхъ славистовъ, Колларомъ, и беретъ даже какое то порученіе, судя по словамъ письма къ Погодину: „Ничего я до сихъ поръ не сдѣлалъ для Коллара". Славянскія симпатіи вообще всегда были присущи Гоголю—и теперь, и раньше; онѣ не измѣнились, конечно, и въ послѣдніе годы его жизни, когда Гоголь проводилъ время въ Москвѣ среди славянофиловъ и славистовъ, какъ Аксаковы, Кирѣевскіе, Бодянскій и пр. Но больше всего онъ интересуется русской этнографіей. Онъ читаетъ не столь давно появившіеся въ свѣтъ труды тогдашнихъ главныхъ представителей русской этнографической литературы—Снегирева и Сахарова. Это „простонародные праздники и суевѣрные обряды" (Москва 1837. Вып.

---

[1]) П. А. Лавровъ. Жизнь и ученая дѣятельность Шафарика. (Древности. Труды Славянской Ком. И. М. Арх. Общ. II. стр. 100.

[2]) Ibid. стр. 76—77.

1-й, 2-й и 3-й—1838; 4-й—1839 г.) перваго и „Сказанія русскаго народа о самой жизни своихъ предковъ" (СПБ. 1836—37) второго.

Письма сохранили намъ отзывъ Гоголя объ этихъ трудахъ, отзывъ весьма любопытный, т. к. онъ показываетъ въ авторѣ дѣйствительно понимающаго дѣло этнографа, дающаго вѣрное, даже съ теперешней точки зрѣнія, опредѣленіе названныхъ трудовъ. Вотъ что пишетъ Гоголь о Снегиревѣ: „Снегиревъ мнѣ полезенъ. Онъ, несмотря на охоту завираться и постоянно глядѣть по сторонамъ дороги, вмѣсто того, чтобы идти по ней прямо, говоритъ много нужнаго при всемъ томъ. Онъ откопаетъ такую пѣсню, за которую всегда спасибо"[1]).

Это мнѣніе несомнѣнно справедливо. При всей своей важности трудъ Снегирева не лишенъ ряда крупныхъ ошибокъ, хотя бы въ области толкованія миѳологіи[2]), загроможденъ иногда излишними разсужденіями и сообщеніями изъ разныхъ источниковъ, дѣйствительно нерѣдко находящимися въ сторонѣ отъ дороги изслѣдователя.

Еще болѣе справедливо мнѣніе Гоголя о другомъ этнографѣ, своими поддѣлками народныхъ произведеній и другими неподобными продѣлками омрачившемъ свою всѣми признававшуюся славу. Это Сахаровъ. Если Гоголь не замѣтилъ поддѣлокъ, то во всякомъ случаѣ онъ обратилъ вниманіе, на чрезмѣрное словоизліяніе и ненаучный цвѣтисто-сентиментальный тонъ самого труда,— совершенно непригодный при научной работѣ. Гоголь рѣшительно судитъ о немъ: „Сахаровъ, несмотря на свое доброе намѣреніе, глупъ. Онъ должно быть молодой человѣкъ. На вещи, на которыя нужно глядѣть простыми глазами, онъ глядитъ въ чортъ знаетъ какія преогромные очки, а главное теперь страшно важничаетъ, приступая къ к.-н. дѣлу. Началъ полнымъ трактатомъ о славянской миѳографіи, а предметъ этой миѳографіи абевега славянскихъ суевѣрій, да одна журнальная статейка на двухъ страничкахъ. Наговорившись о нихъ до сыта, я думаю: „Ну, теперь, братъ, подавай-ка намъ собственныя свои мысли"! а о собственныхъ то онъ и позабылъ, ихъ то онъ и не сказалъ: вмѣсто этого слѣдуетъ описаніе игры въ горѣлки, гдѣ говоритъ, что она

---

[1]) I. стр. 595.

[2]) Пыпинъ. Исторія Этн. I. стр. 324.

производится на зеленомъ лугу, въ пріятномъ мѣстѣ, и что нѣтъ счастливѣе возраста юности и любви, и слѣдуютъ о любви и подобныхъ предметахъ цѣлыя страницы".

Далѣе Гоголь вполнѣ справедливо возмущается одной, поистинѣ странной мыслью автора, старавшагося, видимо, оградить истинно христіанскихъ предковъ нашихъ „отъ позорной тѣни многобожія".[1]) „Меня остановила, продолжаетъ Гоголь, мысль или лучше сказать вздоръ этой мысли, что будто бы намъ нужно отвергнуть всѣхъ боговъ, о которыхъ не говоритъ Несторъ, что они или составлены послѣ, или были у другихъ народовъ, къ которымъ онъ причисляетъ и другихъ славянъ. Но Несторъ монахъ и лѣтописецъ текущихъ событій. Ему нѣтъ нужды перечислять всѣхъ боговъ. Притомъ, какъ христіанинъ и монахъ, онъ не могъ углубляться въ предметъ презрительный и неприличный для христіанина въ то время. Объ этомъ поговоримъ тоже".

Помимо научнаго своего значенія пѣсни, на этотъ разъ великорусскія, не перестаютъ интересовать Гоголя съ чисто художественной стороны. „Есть въ русской поэзіи особенныя, оригинально замѣчательныя черты, которыя теперь я замѣтилъ болѣе и которыхъ, мнѣ кажется, другіе не замѣчали, по крайней мѣрѣ, тѣ, съ которыми говорилъ объ этомъ предметѣ, когда либо. Эти черты очень тонки, простому глазу незамѣтны, даже, если бы указать ихъ; но будучи употреблены, какъ источникъ, какъ золотыя жилы рудниковыхъ глыбъ, обращенныя въ цвѣтущую пѣснь языка и поэзіи нынѣшней доступной, онѣ поразятъ и зашевелятъ сильно. По объ этомъ можно поговорить", замѣчаетъ онъ. (Ibid).

О красотѣ и достоинствѣ русскихъ пѣсенъ Гоголю приходилось не разъ высказываться, хотя бы въ статьѣ о малоросс. пѣсняхъ, гдѣ проводилась параллель между ними и великорусскими. Склонность къ пѣснѣ считалась вообще Гоголемъ, какъ одна изъ характернѣйшихъ чертъ славянской природы (въ чемъ, м. пр., онъ сходился съ другими этнографами того времени). Эта мысль повторялась имъ не разъ. „Пѣсня, пишетъ Гоголь въ сороковыхъ годахъ"[2]), составляетъ самый богатѣйшій отдѣлъ поэзіи у народовъ славянскихъ. Преобладаніе поэтическаго элемента въ глубинѣ славянской души и особенное мелодическое расположеніе

---

[1]) Пыпинъ, ук. соч. т. I. стр. 294, 298.

[2]) Учебная книга Словесности Соч. Гоголя т. VI стр. 409.

нашего языка были причиною происхожденія безчисленнаго множества пѣсенъ въ нашей словесности, которыя уже въ древности, когда слова не записывались и словесность, не переходя въ письменность, оставалась въ буквальномъ смыслѣ словесностью, составляли наше достояніе". Нѣсколькими годами раньше Гоголь въ красивыхъ краскахъ рисуетъ картину богатства и распространенности пѣсни на Руси[1]). Мысль Гоголя, выраженная въ письмѣ къ Погодину о желательности использовать тонкія, черты народной поэзіи, какъ источникъ для поэзіи современной, высказывалась, какъ мы видѣли и раньше, не разъ не только на словахъ, но и на дѣлѣ—въ его произведеніяхъ. Вообще же необходимость народности въ литературѣ и обработкѣ народныхъ мотивовъ была по душѣ Гоголю и въ прежніе, и въ послѣдніе годы его жизни. Въ своей учебной книгѣ Словесности Гоголь подраздѣлялъ нѣкоторыя художественныя произведенія по видамъ народной поэзіи: пѣсня, дума, сказка и др.

Ужъ заодно заговоривъ о народныхъ мотивахъ въ поэзіи, укажемъ и на то, что Гоголь глубоко цѣнилъ и требовалъ для русской музыки. Въ Петербургскихъ запискахъ за 1836 годъ онъ удивляется тому успѣху, какимъ пользуется опера: „Ужъ не наша ли славянская пѣвучая природа такъ дѣйствуетъ? И не есть ли это возвратъ къ нашей старинѣ, послѣ путешествія по чужой землѣ европейскаго просвѣщенія, гдѣ около насъ говорили непонятнымъ языкомъ и мелькали все незнакомые люди—возвратъ къ русской тройкѣ съ заливающимся колокольчикомъ, съ которымъ мы, привставъ на бѣгу и помахивая шляпой, говоримъ: „въ гостяхъ хорошо, а дома лучше". Источники для русской оперы онъ указываетъ въ нашихъ національныхъ мотивахъ: „Какую оперу можно составить изъ нашихъ національныхъ мотивовъ! Покажите мнѣ народъ, у котораго больше было пѣсенъ"!

Въ 1839 же году въ Вѣнѣ Гоголь работаетъ надъ драмой изъ малороссійской жизни и соотвѣтственно съ этимъ перечитываетъ малор. пѣсни, старается надышаться стариной [2]). Вскорѣ онъ отправился въ Россію и пробылъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ, проводя время среди, гл. о. москвичей—тѣхъ же Погодина, Шевы-

[1]) Петерб. записки, Сочиненія Гоголя т. V, стр. 515.

[2]) Письма I. Стр. 623—4.

рева, Аксаковыхъ и др. Но, возвратившись за границу, онъ опять обращается съ просьбами выслать ему такія книги. какъ Сахарова компактное изданіе пѣсенъ, такъ и пѣсни Максимовича, котор. онъ оставилъ въ Москвѣ [1])... Но вотъ онъ вскорѣ опять въ Россіи, гдѣ проводитъ полтора года вплоть до выхода первой части Мертвыхъ душъ. Къ этому періоду мы имѣемъ два документа, позволяющіе судить намъ о Гоголевскихъ занятіяхъ этнографіей за это время. Это двѣ записныя книжки, относящіяся къ 1841—1842 г. и 1842 г. (Онѣ напечатаны въ VI т. соч. Гоголя). Содержаніе этихъ книжекъ аналогично съ содержаніемъ вышеразобранной книги Всякой Всячины, съ тѣмъ различіемъ, что здѣсь приводятся факты, касающіеся уже Великороссіи. Благодаря имъ мы можемъ себѣ представить, какіе вопросы изъ народной жизни наиболѣе интересовали Гоголя. Съ другой стороны, намъ вполнѣ ясно, что данныя, вносимыя въ эту книгу, имѣютъ тѣсную связь съ Мертвыми душами, гдѣ Гоголь пользуется имп. гл. о, изъ словеснаго матеріала [2]). Отмѣтимъ то, что для насъ особенно интересно. Во-первыхъ, Гоголемъ отмѣчены для чтенія книги по географіи Россіи: Лепехина, Палласа, Гмелина. Затѣмъ мы видимъ, что Гоголь старательно собираетъ и записываетъ словарный матеріалъ: различнаго рода русскія наименованія, какъ напр. длинныя списки названій птицъ, рыбъ, породъ лошадей. собакъ. блюдъ, звѣриныхъ криковъ, голубей, клички домашнихъ животныхъ, охотничьи термины, названія растеній, насѣкомыхъ и пр. Но главное вниманіе удѣлено внѣшнему быту крестьянъ и рабочаго сословія. Перечисляетъ цехи, сословія ремесленниковъ, описываетъ избу и ея устройство, термины, употребляемые при постройкѣ ея, службы при ней; интересуется работами крестьянъ, продуктами ихъ производства, подробно останавливается на хлѣбопашествѣ, приводитъ массу народныхъ терминовъ относительно работы, хлѣба. сѣмянъ, посѣвовъ. Записываетъ свѣдѣнія о времени и условіяхъ продажи и покупки сельскохозяйственныхъ продуктовъ и хлѣба. отмѣчаетъ объ ихъ цѣнѣ и путяхъ сообщенія, о бурлакахъ и крючникахъ и пр. Не мало матеріала имѣется по вопросу о бытѣ и творчествѣ народа. Вписываетъ народные обычаи разныхъ мѣстъ: обычай поздравленія баръ въ воскрес-

[1]) Письма II. Стр. 60.
[2]) Соч. Гоголя т. VI стр. 808.

ный день, Троицынъ день и Семикъ съ полагающимися обрядами и играми, продолжительность хороводовъ, говоритъ о торжественныхъ проводахъ бурлаковъ въ Симбирской губ. (Это послѣднее попало между прочимъ въ первую часть Мертвыхъ душъ въ VII главѣ, когда Чичиковъ, разсматривая списокъ мертвыхъ душъ, предается размышленію о ихъ судьбѣ; въ частности, когда дѣло касается бѣглаго Абакума Ѳырова), приводится сцена изъ народной комедіи, говорится объ интересахъ съ этнографической точки зрѣнія явленій русской жизни: о старцахъ, поющихъ духовные стихи, и раздѣляющихся на 20 округовъ въ Симбир. губ., наконецъ въ разныхъ мѣстахъ книжекъ разсѣяны многочисленныя русскія пословицы, иногда приводятся выдержки изъ пѣсенъ, м. пр. и изъ Кирши Данилова, лишній фактъ, доказывающій знакомство Гоголя съ извѣстными къ тому времени сборниками народныхъ пѣсенъ. Попадаются сценки изъ народнаго быта, приводятся характерные разговоры мужиковъ. Но больше всего мѣста удѣлено великорусскому словарю. Словъ съ соотвѣтствующими поясненіями записано нѣсколько сотъ. Этотъ словарный матеріалъ вошелъ отчасти въ особый Гоголевскій словарь [1]), о которомъ скажемъ ниже. Многими словами изъ этихъ записныхъ книжекъ Гоголь воспользовался для своихъ художественныхъ произведеній. Свѣдѣнія, собранныя въ записныхъ книжкахъ, касаются нѣсколькихъ губерній, о чемъ мы можемъ судить по отмѣткамъ въ самомъ текстѣ: гл. обр. Симбирской, затѣмъ Владимірской, Пермской, Ярославской, Калужской, Оренбургской и Нижегородской [2]). Отъ кого получалъ Гоголь эти свѣдѣнія—точно опредѣлить нельзя—г. Шенрокъ довольно убѣдительно называетъ Языкова, уроженца Симбир. губ., съ которымъ Гоголь дѣйствительно особенно близко сходится за это время, живя съ нимъ еще передъ отъѣздомъ домой—за границей. Лично едва ли Гоголь могъ собирать эти свѣдѣнія, т. к. нѣтъ извѣстій, чтобы онъ куда либо уѣзжалъ изъ Москвы и Петербурга. Надо замѣтить, что несмотря на такое богатство содержанія записныхъ книжекъ, однако, мы въ нихъ мало находимъ данныхъ для сужденія о томъ, чтобы, наряду съ интересами къ народному языку, обычаямъ и внѣшнимъ сторонамъ быта, Гоголь проявлялъ особенный интересъ

---

[1]) Соч. Гоголя X Изд. т. VI, стр. 807.

[2]) Въ частности с. Лысково Макарьев. у.

къ соціальному и экономическому положенію крѣпостного крестьянства. Хотя справедливость требуетъ отмѣтить, что иногда прорываются у него фразы, показывающія, что онъ далеко не смотрѣлъ на ихъ положеніе съ закрытыми глазами. Поэтому характеренъ одинъ, самъ за себя говорящій, вопросъ, втавленный среди другихъ записей: „какъ устроить, чтобы женщины родящія не выходили на работу“ [1])?

Остальной періодъ Гоголя весь принадлежитъ къ подготовленію 2-й и 3-й части Мертвыхъ душъ—это также періодъ сильно приподнятаго религіознаго чувства, окрашеннаго сильнымъ свѣтомъ мистицизма; это—время появленія такихъ произведеній, какъ „Выбранныя мѣста изъ переписки“, „Авторская исповѣдь“, „Размышленіе о литературѣ“ и т. д. Такъ какъ, несмотря на свою десятилѣтнюю продолжительность, этотъ періодъ освѣщенъ однимъ свѣтомъ, отражаетъ въ себѣ одни переживанія Гоголя, то мы въ правѣ разсматривать и насъ интересующую сторону мысли и дѣятельности Гоголя разомъ за всѣ эти годы.

Характеръ и направленіе исканій Гоголя за эти послѣдніе десять лѣтъ его жизни вполнѣ отмѣчены еще въ 1-й части Мертвыхъ душъ. Гоголь обѣщаетъ въ другихъ частяхъ поэмы изобразить то, чего онъ еще не касался: „Можетъ быть въ сей самой повѣсти, почуются иныя еще до сихъ поръ небранныя струны, предстанетъ *несмѣтное богатство русскаго духа*, пройдетъ мужъ одаренный божескими доблестями, или чудная русская дѣвица, какой не сыскать нигдѣ въ мірѣ, со всей дивной красотой женской души, вся изъ великодушнаго стремленія и самоотверженія. И мертвыми покажутся предъ ними всѣ добродѣтельные люди другихъ племенъ, какъ мертва книга передъ живымъ словомъ. *Подымутся русскія движенія... и увидятъ какъ глубоко заронилось въ славянскую природу то, что только скользнуло по природѣ другихъ народовъ*“. И вотъ онъ занимается изученіемъ этого несмѣтнаго богатства русскаго духа, ищетъ коренныхъ, національныхъ и источниками для этого считаетъ м. пр. какъ разъ народную словесность и памятники старинной письменности. Вотъ какъ онъ говоритъ объ этихъ источникахъ, гдѣ видны, м. пр. зачатки русской самобытной поэзіи, это начальныя слова статьи: Въ

[1]) Ibid. стр. 499.

чемъ же, наконецъ, существо русской поэзіи и въ чемъ ея особенность [1]).

„Несмотря на внѣшніе признаки подражанія въ нашей поэзіи есть много своего. Самородный ключъ ея уже билъ въ груди народа тогда, когда самое имя еще не было ни на чьихъ устахъ. Струи его пробиваются въ нашихъ пѣсняхъ, въ которыхъ мало привязанности къ жизни и ея предметамъ, но много привязанности къ какому то разгулу, къ стремленію какъ бы унестись куда то вмѣстѣ со звуками. Струи его пробиваются въ пословицахъ нашихъ, въ которыхъ видна необыкновенная полнота народнаго ума, умѣвшаго сдѣлать все своимъ орудіемъ: иронію, насмѣшку, наглядность, вѣрность живописнаго соображенія, чтобы составить животрепещущее слово, которое проникаетъ насквозь природу русскаго человѣка, задирая за все ея живое. Струи его пробиваются, наконецъ, въ самомъ словѣ церковныхъ пастырей — словѣ простомъ, некраснорѣчивомъ, но замѣчательномъ... Всё это пророчило для нашей поэзіи какое то, другимъ невѣдомое, своеобразное и самобытное развитіе". Т. о. народная поэзія, пословица или вообще русское народное слово, наконецъ, древняя проповѣдь -вотъ источники самобытной поэзіи. Всему этому въ отдѣльности Гоголь удѣлялъ время для изученія.

Въ 1847 году онъ письмомъ [2]) изъ Неаполя проситъ Языкова выслать ему лѣтописи, изд. археографической комиссіей, которыя онъ просилъ прежде, но не получилъ, въ pendant къ нимъ Царскіе выходы и во-вторыхъ „Народ. Праздники" Снегирева и въ pendant къ нимъ «Русскіе въ своихъ пословицахъ" его же. „Эти книги мнѣ теперь весьма нужны, дабы окунуться покрѣпче въ коренной русскій духъ". (Это послѣднее замѣчаніе весьма характерно для этого періода). Но Языковъ не могъ исполнить этой просьбы: когда писалось письмо, его уже не было въ живыхъ [3]), и поэтому Гоголь снова повторяетъ эту просьбу въ письмѣ къ

[1]) Чтобы избѣжать односторонняго истолкованія этихъ словъ, считаемъ нужнымъ указать, что нѣсколькими строками дальше Гоголь указываетъ, что „не въ сихъ трехъ источникахъ, въ насъ пребывавшихъ, идётъ наша сладкозвучная поэзія". Въ нихъ не было того элемента, который былъ внесенъ петровской эпохой и который далъ ходъ нашей нынѣшней поэзіи— это элементъ „стремленія къ свѣту".

[2]) Письма III. Стр. 317

[3]) Ibid стр. 358.

Шевыреву [1]). Эти книги онъ получилъ и въ концѣ года пишетъ объ нихъ весьма интересное письмо [2]). „Я очень соскучился по Россіи и жажду съ нетерпѣніемъ услышать вокругъ себя русскую рѣчь. Я тебя прошу заблаговременно отмѣчать для меня на особой записочкѣ все то, что по твоему мнѣнію мнѣ нужно видѣть и слышать, равно какъ и имена всѣхъ тѣхъ людей, съ которыми мнѣ слѣдуетъ познакомиться. Твой слѣпецъ, о которомъ ты упоминаешь, долженъ быть для меня очень потребный человѣкъ. Мнѣ особенно будутъ нужны бесѣды съ тѣми людьми, которые могутъ дать мнѣ свѣдѣнія вѣрныя и близкія обо всѣхъ сословіяхъ вообще и *особенно низшихъ... Пожалуйста не забывай также отмѣчать и всякія книжки, выходящія по этой части*». Далѣе идетъ новый отзывъ о Снегиревѣ. Тотъ фактъ, что Гоголь любилъ бесѣдовать съ людьми, знающими низшія сословія, подтверждается какъ вышеприведенными записными книжками, такъ и другимъ. Въ эти книжки Гоголь и названія книгъ по этнографіи и др. смежнымъ областямъ. Отзывъ о Снегиревскихъ Праздникахъ, который дается въ этомъ письмѣ, почти буквально повторяетъ то, что писалъ по этому предмету 8 лѣтъ тому назадъ. (См. выше). Вотъ что онъ пишетъ теперь: „Снегирева я получилъ; дивлюсь, какъ этого человѣка разбрасываетъ во всѣ стороны! по дорогѣ онъ никакъ не можетъ идти, точно съ похмѣлья, и вправо и влѣво, повторяя нѣсколько разъ одно и то же. Нужно имѣть четыре головы, чтобы его читать. Даже эту малую толику, которую онъ собралъ въ своей книгѣ, трудно увидѣть въ его же книгѣ". И вотъ Гоголь постарался отыскать эту малую толику въ лабиринтѣ Снегиревскихъ разсужденій. Такъ, въ записной книжкѣ [3]), подаренной Гоголю Жуковскимъ во Франкфуртѣ въ 1846 году, но несомнѣнно, по разнымъ даннымъ, своими записями относящейся къ 47 и гл. о. 1848 году, мы находимъ длинный рядъ русскихъ праздниковъ, съ помѣтами соотвѣтствующихъ обрядовъ. Такъ мы находимъ Рождественскіе праздники, ночь подъ Новый Годъ (Васильевъ вечеръ, Авсень), масляницу и весеннія праздники отъ заклинанья

---

[1]) Ibid. стр. 447.

[2]) Ibid. IV. стр. 101—102.

[3]) Эта книжка въ отрывкахъ напечатана въ VI т. X-го изд. сочиненій стр. 527. Издана она, кстати сказать, съ большими выпусками. Я пользовался самой рукописью.

весны вплоть до Юрьева дня. Дальше въ самой рукописи идетъ описаніе другихъ праздниковъ, такъ и оставшееся ненапечатаннымъ. Таковы: крещеніе кукушекъ, Вербная Суббота, Русалка и Русаліи, Иванъ Купало, Ярило, Петровки и др. Свѣривъ эти замѣтки въ записной книжкѣ Гоголя съ праздниками Снегирева, я пришелъ къ заключенію, что онѣ представляютъ изъ себя прежнія выписки изъ различныхъ мѣстъ Снегиревскаго труда. Въ нихъ Гоголь отмѣчалъ только однѣ существенныя черты, относящіяся только къ русскимъ праздникамъ, оставляя въ сторонѣ разныя поясненія и разсужденія Снегирева изъ области миѳологіи, праздниковъ другихъ народовъ и т. п. [1]). Кстати, заговоривъ объ этой записной книжкѣ, отмѣтимъ ея остальное содержаніе. Если по этнографическимъ замѣткамъ книга эта представляетъ аналогію съ вышеприведенными книжками 1826, 1841—42, 1842 гг., то принадлежа къ мистическому періоду жизни Гоголя, она такъ или иначе отражаетъ общее настроеніе Гоголя. Мы здѣсь встрѣчаемся съ перечнемъ именъ, кот. нужно помянуть при гробѣ Господнемъ, замѣтки изъ жизни въ Іерусалимѣ, иногда попадаются молитв. воззванія, какъ напр.: „Милосердія Господи, Ты милосердъ, прости мнѣ грѣшному“ и пр. Изъ этнографич. свѣдѣній приводятся выписки изъ свадеб. присказокъ, (вродѣ „бѣлы руки съ подносомъ, языкъ (со) приговоромъ“), пословицы, народно-медиц. средства и пр. Въ этой книжкѣ нѣтъ только словарнаго матеріала. Далѣе, какъ бы въ pendant къ мысли, высказанной въ недавно приведенномъ письмѣ, онъ отмѣчаетъ тѣ вопросы, о которыхъ нужно бы было поговорить со свѣдущими людьми. Такъ отмѣчены *вопросы* Хомякову: О крестьянахъ: вольныхъ, господскихъ, паземныхъ и удѣльныхъ—ихъ внутреннемъ бытѣ, правленіи, правахъ и преимуществахъ, состояніи и *духъ, какъ результатъ (ихъ) быта*“. Намъ слѣдуетъ обратить вниманіе на этотъ пунктъ. Затѣмъ съ Далемъ поговорить: о сословіяхъ нынѣшнихъ обществъ и о пролетаріяхъ въ нашихъ городахъ. Съ такого рода вопро-

[1]) Ср. Описаніе Святокъ въ книжкѣ Гоголя съ вып. II. Снегиревскихъ праздниковъ стр. 26, стр. 32 и пр. (гдѣ отмѣчаются гаданія, суевѣрія (стр. 51 (вертепъ), Ночь наканунѣ Новаго Года—Васильевъ вечеръ, Авсень. Ibid. стр. 103, 102. Закликаніе весны см. Ibid. вып. III, хотя бы стр. 1, 12, 16. Красная Горка. Ibid. 37, 39, Радуница. Ibid стр. 47, 48, 52, 53. Юрьевъ Весенній, 68, 69, 72, 73, 76. Само расположеніе записокъ соотвѣтствуетъ порядку Праздниковъ въ Снегиревскомъ изданіи.

сами Гоголь не разъ обращался и къ другимъ лицамъ. Тоже самое совѣтовалъ дѣлать и другимъ, желающимъ изучить ближе Россію. Такъ онъ пишетъ гр. Вельегорской [1]) 29 окт. 1848 г. уже изъ Москвы. „Помните, что Вы должны сдѣлаться русскою по душѣ, а не по имени. Кстати не позабудьте же, что вы мнѣ обѣщали всякій разъ, какъ встрѣтите Даля, заставлять его разсказывать *о бытѣ крестьянъ въ разныхъ губерніяхъ Россіи. Между крестьянами особенно слышится оригинальность нашего русскаго ума*". Вообще Гоголь считалъ Даля настоящимъ знатокомъ быта русскаго крестьянства. Въ извѣстномъ письмѣ къ Плетневу онъ прямо-таки восхваляетъ Даля [2]). „По мнѣ, пишетъ онъ, онъ значительнѣе всѣхъ повѣствователей-изобрѣтателей. Можетъ быть я сужу здѣсь пристрастно, потому что писатель этотъ больше всѣхъ угодилъ личности моего собственнаго вкуса и своеобразью моихъ собственныхъ требованій: *каждая его сторона меня учитъ и вразумляетъ, придвигая ближе къ познанію русскаго быта и нашей народной жизни*: (но зато всякій согласится, что этотъ писатель полезенъ и нуженъ всѣмъ въ нынѣшнее время. Его сочиненія живая и вѣрная статистика Россія") [3]). Самолично Гоголь дѣлалъ изъ заграницы письменные запросы разнымъ лицамъ, по вопросамъ народнаго быта и словесности. У Смирновой [4]) онъ разспрашиваетъ о бытѣ калужскихъ раскольниковъ: 1) какихъ изъ нихъ больше, 2) въ чемъ состоитъ расколъ и въ какомъ онъ теперь состояніи, 3) каковы они въ жизни, въ работѣ, въ трудахъ, какъ крестьянскомъ или купеческомъ, или мѣщанскомъ состояніи сравнительно съ православными,—у сестеръ своихъ онъ проситъ [5]) описанія избы и мужиковъ. Помимо письменнаго или устнаго разспроса добываетъ свѣдѣнія черезъ соотвѣтствующія книги. Онъ читаетъ, преимущественно, то, гдѣ слышится по его словамъ сильнѣе присутствіе русскаго духа [6]). Объ указаніи такихъ книгъ, мы видѣли, онъ не разъ просилъ въ своихъ письмахъ. Эти книги онъ помѣчалъ у себя въ записныхъ книжкахъ. Такъ, въ записной книжкѣ,

---

[1]) Письма IV стр. 227.

[2]) Подобное же преклоненіе передъ Далемъ мы наблюдаемъ у Пушкина. Ср. В. Ѳ. Миллеръ ук. соч.

[3]) Ш, стр. 272.

[4]) Ш, стр. 154.

[5]) Ш, стр. 168.

[6]) IV, стр. 232.

подаренной Жуковскимъ, (надо замѣтить, что я пользуюсь самой рукописью, ибо въ печатномъ текстѣ это всё пропущено) вписаны наименованія нѣкоторыхъ изъ нихъ. Среди нихъ мы находимъ: Маркевича „Записки о Малороссіи", Пассека Вадима „Путевыя Записки" статья „Самоѣды въ домашнемъ и общественномъ бытѣ", [1]) Записки объ Алеутскихъ островахъ Свящ. Веніамина, „Русская старина въ памятникахъ Зодчества", составилъ А. Мартыновъ, „Замѣтки и воспоминанія Русской Путешественницы О. Шмининой (?) по Россіи въ 1845 г.", „Словарь и корнесловъ Бѣлорусскаго нарѣчія". Соч. Древлинскаго. Далѣе „Пѣсни крестьянъ Владим. и Костромской губ., собранныя и изданныя Смирновымъ". (М. 1847), „Начертаніе Славян. Миѳологіи древнихъ славянъ" и наконецъ дважды отмѣченный „Бытъ русскаго народа Терещенки". Уже одинъ этотъ перечень показываетъ, что въ концѣ сороковыхъ годовъ Гоголь внимательно слѣдилъ за этнографической и географической литературой относительно Россіи. М. пр., о его планахъ по написанію географіи Русской скажемъ ниже.

Отмѣченныя книги дѣйствительно потомъ прочитывались Гоголемъ. Между прочимъ, С. Т. Аксаковъ свидѣтельствуетъ о томъ, что зимой 1848 года Гоголь часто читалъ въ ихъ домѣ вслухъ пѣсни, изд. Терещенкомъ, и въ особенности отличается свадебными пѣснями. Мы и раньше видѣли, что Гоголь придавалъ большое значеніе свадьбѣ и ея пѣснямъ. Интересуется также онъ другимъ собраніемъ пѣсенъ—Кирѣевскаго и подгоняетъ его къ работѣ. „Ты пишешь, читаемъ мы въ письмѣ къ Языкову, что Петръ Васильевичъ Кирѣевскій совершилъ свой великій подвигъ и послалъ пѣсни въ Петербургъ въ цензуру. Слава Богу! Есть стало быть надежда, что мы лѣтъ черезъ 10, будемъ читать ихъ, разумѣется, если пропуститъ цензура и не помѣшаетъ недосугъ, котораго такъ много въ московской жизни„ [2]). Несомнѣнно, онъ и самъ по возможности собиралъ матеріалъ. Въ записной книжкѣ конца сороковыхъ годовъ находимъ интересную отмѣтку: „Русскія сказки для дѣтей разсказываетъ нянька Черепьевой". Когда онъ ѣздилъ въ 1850 году съ Максимовичемъ на югъ Россіи, то по дорогѣ въ г. Сѣвскъ (Орловской губ.) онъ слушаетъ плакаль-

---

[1]) Вл. Иславина.

[2]) II, стр. 352.

щицъ и восхищается поэтичностью этого явленія [1]). Въ это же время онъ сообщаетъ велик. и малорус. пѣсни графу Толстому, живя въ имѣніи Смирновой [2]). Однако не однѣ пѣсни интересуютъ его, ему нужны и другія, данныя—такъ, его занимаетъ народный календарь. По этому поводу онъ обращается съ просьбой къ Марковичу—малорусскому помѣщику [3]) „составить маленькій сельскій календарь годовыхъ работъ, какъ онѣ производятся въ Черниговской губерніи. По днямъ же: съ какого святого начинается какая работа и какія существуютъ по этому поводу народныя поговорки, обратившіяся въ правила и руководства". Въ образецъ, какъ нужно составлять, Гоголь прилагаетъ отрывокъ изъ календаря одной изъ сѣверныхъ губерній. Это порученіе черезъ нѣсколько времени было исполнено [4]).

VI.

Изученіе русскаго нар. языка.

Другимъ источникомъ какъ самобытной русской поэзіи, такъ и источникомъ къ изученію основныхъ свойствъ русскаго ума и характера Гоголь считалъ живой русскій языкъ. Въ „Мертвыхъ душахъ" (гл. V конецъ) есть цѣлое лирическое отступленіе по поводу мѣткости русскаго слова, гдѣ, между прочимъ, говорится: „Всякій народъ, носящій въ себѣ залогъ силъ, полный творящихъ способностей души, своей яркой особенности и другихъ даровъ Бога, своеобразно *отличился каждый своимъ собственнымъ словомъ*, которымъ выражая какой ни есть предметъ, отражаетъ въ выраженьи его *часть своего собственнаго характера*... Но нѣтъ слова, которое было бы такъ замашисто, бойко, такъ вырвалось бы изъ подъ самаго сердца, такъ бы кипѣло и животрепетало, какъ мѣтко сказанное русское слово" [5]). Если къ этому прибавить вышеприведенный отзывъ Гоголя о русскихъ пословицахъ и выраженіяхъ, въ которыхъ по его словамъ видна полнота народнаго ума, то становится весьма яснымъ, почему Гоголь въ теченіе

---

[1]) Кулишъ. Зап. о жив. Гог. II. Стр.237—238.

[2]) Ibid., стр. 232—234.

[3]) Письма IV стр. 266.

[4]) Ibid., стр. 281.

[5]) Соч. Гоголя X изд. т. 3 стр. 106.

всей своей жизни съ изумительнымъ стараніемъ изучалъ русскій языкъ, составлялъ словари живого русскаго языка, собиралъ и записывалъ пословицы, мѣткія выраженія, а иногда былъ не прочь заняться даже филологическими разсужденіями. Въ первую пору своей дѣятельности, когда онъ вообще увлекался Малороссіей, онъ составляетъ такъ называемый „Малороссійскій Лексиконъ", вписывая его въ книгу Всякой Всячины". Лексиконъ, какъ мы говорили, составляется въ значительной степени на основаніи другихъ тогда извѣстныхъ Гоголю малорусскихъ словарей при трудахъ Цертелева, Максимовича, Кулжинскаго, а также Акад. словаря. Въ записныхъ книжкахъ 40-хъ годовъ мы находимъ обширный, пока еще составляемый безъ особаго плана великорусскій народный словарь. Словарь этотъ включаетъ нѣсколько сотенъ словъ. Если просмотрѣть произведенія и новыя редакціи прежнихъ произведеній за 40-е годы, то многія слова въ нихъ оказываются заимствованными изъ этихъ записныхъ тетрадей [1])—живой примѣръ того, что Гоголь примѣнялъ свои вновь пріобрѣтенныя познанія изъ области народной рѣчи на практикѣ. Но, помимо этого случайнаго словеснаго матеріала, Гоголь составлялъ настоящій великорусскій словарь, напечатанный въ 1891 году Н. С. Тихонравовымъ въ Сборникѣ Общества Любителей Рос. Словесности на 1891 годъ [2]). По изслѣдованіямъ акад. Тихонравова этотъ словарь въ значительной своей части былъ составленъ на основаніи Русс.-Франц. словаря Рейфа (вышед. въ 1835 году) [3]) а впослѣдствіи Гоголь воспользовался словаремъ церков.-слав. и русскаго языка, изд. вторымъ отд. Имп. Ак. Наукъ (1847). Занятія словаремъ были такъ серьезны и продолжительны, что Гоголь замышлялъ даже издать печатно настоящій объяснительный словарь. Насколько онъ накопилъ матеріалу и насколько вообще онъ чувствовалъ себя готовымъ къ этому дѣлу—неизвѣстно, но мы все же имѣемъ „Объявленіе объ изданіи русскаго словаря", составленное самимъ Гоголемъ [5]). Это объявленіе опредѣляетъ вполнѣ тѣ мотивы, которые побуждали Гоголя заняться народнымъ языкомъ.

---

[1]) Сочиненія Гоголя X изд. т. VI, стр. (Примѣчаніе взято у В. И. Шенрока).
[2]) Стр. 24—54.
[3]) Ibid. стр. 104.
[4]) Ibid. стр. 107.
[5]) Сочиненія Гоголя X изд. т. VI, стр. 433—434.

Причиною предполагаемаго изданія были „поразительная мѣткость и разумъ словъ русскаго языка, необходимость выставить лицомъ русское слово въ его прямомъ значеніи“. Изданіе словаря онъ считаетъ дѣломъ лингвиста, „который бы для этого уже родился, который бы заключалъ въ своей природѣ къ тому преимущественныя, особенныя способности, носилъ бы въ самомъ себѣ внутреннее ухо, слышащее гармонію языка“. И если Гоголь не могъ себя считать за подобнаго лингвиста, то все-же онъ находилъ въ себѣ возможность приступить къ этому дѣлу: такую возможность ему давала „ничего болѣе, какъ любовь, просто одна любовь къ русскому слову“, которая жила въ немъ отъ младенчества, заставляя его останавливаться надъ внутреннимъ его существомъ и выраженіемъ. Для него было наслажденіе давать самому себѣ отчетъ, опредѣлять самимъ собою, и онъ принялся за перо. Какъ извѣстно, Гоголь такого словаря не издалъ и этотъ широкій планъ остался невыполненнымъ. Но тѣмъ не менѣе изученіемъ народной рѣчи Гоголь занимался до послѣднихъ дней жизни [1]) и къ тому, чего самъ не смогъ или не съумѣлъ сдѣлать, онъ поощрялъ и побуждалъ другихъ. Такъ, В. И. Даль [2]), свидѣтельствуетъ, что въ его занятіяхъ толковымъ словаремъ его горячо поддерживалъ, на ряду съ другими знаменитыми писателями, и Гоголь.

Раньше (въ 1844 г.) онъ побуждалъ на это же дѣло Константина Сергѣевича Аксакова. Въ письмахъ къ С. Т. Аксакову[3]) читаемъ про его сына: „Ему всѣ до единаго, начиная отъ Погодина до меня, говорили, чтобы заняться дѣломъ филологическимъ, для котораго Богъ наградилъ его великими и очевидными для всѣхъ способностями. Онъ одинъ можетъ совершить у насъ словарь русскаго языка, такой, какого не совершитъ ни одна академія, со всѣми своими членами“. Высказанное же только что замѣчаніе самого Гоголя, что для него съ дѣтства было наслажденіемъ отдавать самому себѣ отчетъ и заниматься опредѣленіями значенія русскихъ словъ, подтверждается другими источниками. Самый уже характеръ его занятій словаремъ Рейфа, гдѣ русскія слова расположены по происхожденію и который давалъ

[1]) Само это объявленіе относится не ранѣе какъ въ 1848 году.

[2]) Пыпинъ. Ист. русск. эт. т. I, стр. 344.

[3]) Письма т. II. Стр. 559.

возможность этимологическому изученію русскаго языка [1]), говоритъ намъ въ пользу этого. Съ другой, стороны онъ также „любитъ слушать съ большимъ удовольствіемъ“, когда Константинъ Аксаковъ, изъясняетъ ему производство многихъ словъ [2]). Въ записныхъ книжкахъ среди названій другихъ книгъ для прочтенія отмѣчались также книги по русскому языку. Напримѣръ, „словарь и корнесловъ Бѣлорусскаго нарѣчія“, сочиненіе Древлянскаго, „Слав. морфологія“, соч. Катарскаго и др. Когда онъ совѣтовалъ графинѣ Вельегорской читать древне-русскія книги, вродѣ Домостроя, „которыя знакомятъ больше всего съ тѣмъ, что есть лучшаго въ русскомъ человѣкѣ“, а также читать Славянское Евангеліе, то *обѣщалъ „ей въ двухъ—трехъ лекціяхъ объяснить всѣ отмѣны, какія есть въ нашемъ древнемъ языкѣ отъ славянскаго.* Этотъ языкъ простъ, выразителенъ и прекрасенъ“, замѣчаетъ онъ при этомъ. Т. о., изученіе русскаго языка, живого и древняго, было дѣломъ болѣе или менѣе серьезнымъ и продолжительнымъ. Мотивы, побуждавшіе его къ этому, были многочисленны. Прежде всего онъ изучалъ русскую рѣчь съ цѣлью простого самоусовершенствованія въ правильности выраженій, а противъ этого онъ, особенно въ ранніе годы, нерѣдко грѣшилъ [3]). Во вторыхъ, изучалъ языкъ ради мѣткости и краткости его выраженій, столь необходимыхъ для него, писателя, по преимуществу комическаго. Гоголевское изученіе языка, какъ и изученіе быта и народной поэзіи, находится въ полной связи съ его художественной дѣятельностью. Въ-третьихъ, въ народномъ языкѣ, въ словахъ Гоголь находилъ источникъ къ познанію русскаго народа, его свойствъ и ума. А это идётъ параллельно его занятіямъ этнографіей.

VII.

Древне-русская литература.

Третьимъ источникомъ познанія Россіи, ея самобытности, въ глазахъ Гоголя, является древне-русская письменность. Если въ

[1]) Тихонравовъ. Замѣтка о словарѣ Гоголя (Сб. О. Л. Р. Сл 1891 стр. 104).

[2]) Письма т. II. Стр. 561.

[3]) Письма VI. Стр. 238.

молодые годы Гоголь читалъ древне-русскія произведенія, напр., лѣтописи, изъ интересовъ къ исторіи, то въ сороковые годы въ связи съ общимъ настроеніемъ этой эпохи Гоголь обращается къ нимъ съ цѣлью отысканія добрыхъ началъ русской народности. Особенно большое значеніе придавалъ Гоголь Домострою. Въ этомъ отношеніи интересно сейчасъ указанное письмо къ графинѣ Вельегорской [1]). „Меня порадовало, пишетъ онъ, что вы не оставляете желанія вашего сдѣлаться русской. Богъ въ помощь!.. Вы говорите, что и мое и ваше желаніе исполнится, что вы сдѣлаетесь русской не только душой, но и языкомъ и познаніемъ Россіи. „Высокое достоинство русской породы, по мнѣнію Гоголя, состоитъ въ томъ, что русскій человѣкъ глубже воспринялъ евангельское ученіе... И вотъ распознаніе этой привлекательной черты въ русскомъ народѣ облегчается книжными памятниками русской старины". Слышатся также повсюду въ лѣтописяхъ слѣды сокровенной внутренней жизни, о какой бы подробной повѣсти онѣ ни передавали. Слышна возможность основанія гражданскаго на чистѣйшихъ законахъ христіанскихъ". Особеннымъ цѣннымъ открытіемъ въ послѣднее время было для Гоголя изданіе Домостроя, „гдѣ, какъ по развалинамъ Помпеи древній міръ, обнаруживается съ подробнѣйшей подробностью вся древняя жизнь Россіи. Является уже не политическое устройство Россіи, но частный семейный бытъ, и въ немъ жизнь освѣщается тѣмъ свѣтомъ, которымъ она должна освѣщаться". Затѣмъ Гоголь излагаетъ въ краткихъ чертахъ содержаніе Домостроя, вполнѣ передъ нимъ преклоняясь. „Въ послѣднее время стали безпрерывно открываться рукописи въ этомъ родѣ. *Эти книги больше всего знакомятъ съ тѣмъ, что есть лучшаго въ русскомъ человѣкѣ.* Онѣ гораздо полезнѣе всѣхъ тѣхъ, которыя пишутся теперь о славянахъ и славянствѣ людьми, находящимися въ броженіяхъ, въ переходныхъ состояніяхъ духа, возраста, подвластныхъ воображенію, обольщеніямъ самолюбиваго ума и всякимъ пристрастіямъ".

Черезъ два мѣсяца Гоголь рекомендуетъ для прочтенія этотъ же Домострой, и даже посылаетъ свой экземпляръ А. О. Смирновой [2]). Видимо, про Домострой говорится и въ письмѣ къ гр.

---

[1]) Письма IV. Стр. 238.
[2]) Письма IV. стр. 272.

Вельегорской отъ 30 іюля 1849 г. [1]) „Не удивляйтесь, пишетъ Гоголь, что вамъ никто не могъ указать на сочиненіе, которое я вамъ послалъ. Русскіе никогда не знаютъ, что существуетъ на русскомъ языкѣ. Обращайтесь съ разспросами *по этой части ко мнѣ, а не къ кому другому*“. Несомнѣнно, Гоголь былъ знакомъ, хотя въ общихъ чертахъ, съ древнерусской литературой вообще; онъ читалъ, между прочимъ, курсъ по древней литературѣ Шевырева. Въ письмѣ къ Языкову [2]) онъ выражаетъ большое желаніе читать лекціи Шевырева. „Я увѣренъ, пишетъ онъ, въ ихъ значительности, но знаю также, что онъ можетъ человѣчески увлекаться, переходить нечувствительно въ излишество и потому весьма можетъ быть, „что отчасти повредилъ и себѣ, и своему предмету“. Въ ноябрѣ 1845 г. [3]) онъ читаетъ первую главу и въ восторгѣ отъ нея, доволенъ тѣмъ, что его опасенія не оправдались. Лекціи эти внушаютъ оптимистическій взглядъ на будущее. Черезъ полгода [4]) онъ читаетъ и остальныя главы, читаетъ медленно, такъ какъ находитъ, что „такого рода книги неприлично читать вдругъ; но уже по началу видитъ важность дѣла и труда, и веселитъ себя имъ, какъ предстоящимъ лакомствомъ“. По мѣрѣ дальнѣйшаго чтенія интересъ возрастаетъ, хотя Гоголь находитъ возможнымъ сдѣлать замѣчаніе, что Шевыревъ поторопился изложить свои выводы, не подготовивъ для полнаго уразумѣнія читателя и слушателя. „Но это ничего, ободряетъ онъ, можетъ быть, посчастливится мнѣ подставить *ступеньку къ твоей книгѣ* тѣмъ, которые безъ того не подымутся къ ней“ [5]). Эти послѣднія слова весьма замѣчательны: въ Гоголѣ, видимо, ужъ начинаютъ роиться въ головѣ мысли о собственныхъ трудахъ по исторіи древней литературы—фактъ аналогичный съ составленіемъ исторіи Малороссіи и словаря.

Также большое значеніе придавалъ Гоголь древне-русскимъ проповѣдямъ, гдѣ, по его мнѣнію, также лежитъ источникъ нашей самобытной поэзіи.

Въ частности, особенно по душѣ приходятся ему сочиненія

---

[1]) Ibid. 273.

[2]) Ш. Стр. 44.

[3]) Ibid. 120.

[4]) Ibid. Стр. 196.

[5]) Ibid. Стр. 211.

Димитрія Ростовскаго [1]), изъ которыхъ отдѣльныя мѣста онъ совѣтуетъ перечитывать нѣсколько разъ А. О. Смирновой [2]). Читаетъ также Лазаря Барановича и Стефана Яворскаго [3]). Если въ нашихъ проповѣдяхъ предъ Гоголемъ не проходила, какъ въ Домостроѣ и лѣтописяхъ, „съ подробнѣйшей подробностью" вся русская жизнь, то и это чтеніе, помимо своего религіозно-нравственнаго значенія, стояло въ связи съ усерднымъ познаніемъ Россіи и его занятіями этнографіей.

Книги по народной поэзіи, языку и древне-русск. письменности принадлежали къ числу тѣхъ книгъ [4]), „гдѣ слышится сильнѣе присутствіе русскаго духа". И эти книги Гоголь усиленно читалъ, творя 2-ю и 3-ю часть Мертвыхъ душъ. „Прежде чѣмъ возьмусь за перо, пишетъ онъ, хочу назвучаться русскими звуками и рѣчью" [5]).

VIII.

Планы книги о Россіи.

Т. о., Гоголь познавалъ Россію съ этнограф. точки зрѣнія по различнымъ источникамъ и къ концу своей жизни накопилъ, видимо, цѣлый рядъ знаній, такъ что, наряду съ окончаніемъ Мертв. душъ, описывавшихъ нравственную сторону русской жизни, онъ задумывалъ изданіе такой книги, какая бы давала полную и яркую картину Россіи съ этнографической и географической стороны... Занятія чистой географіей были еще въ началѣ 30-хъ годовъ, когда, между прочимъ, оффиціально преподавалъ этотъ предметъ; къ этой отрасли знаній Гоголь относился, какъ и въ другихъ случаяхъ, съ извѣстной намъ страстностью и въ его мечтахъ носились многочисленные и широкіе планы (напр., мечталъ о сочиненіи „Земля и Люди"). Взгляды на этотъ предметъ прекрасно изложены въ статьѣ „Мысли о преподаваніи дѣтямъ Географіи" [6]), относящейся еще къ 1830 году.

---

[1]) Письма III. Стр. 30.
[2]) Ibid, стр. 63, стр. 82.
[3]) Письма II. Стр. 351.
[4]) Письма IV. Стр. 232.
[5]) Ibid.
[6]) Сочиненія Гоголя, т. V, стр. 295—303.

Эти планы снова зарождаются въ немъ къ концу сороковыхъ годовъ. Въ предполагаемой имъ къ изданію книгѣ онъ хочетъ объединить и этнографію и географію. Въ 1850 году имъ пишется докладная записка [1]), предназначавшаяся для Государя, въ которой испрашиваются Гоголемъ денежныя пособія для сноснаго существованія лѣтомъ въ Россіи, зимой на югѣ, чтобы довести до конца Мертвыя души, а также окончить „необходимую и нужную книгу, мысль о которой занимаетъ Гоголя съ давнихъ временъ и за которую (если дастъ только Богъ силъ исполнить такъ, какъ хочется) многіе отцы сказали бы спасибо“. Она должна прежде всего представлять изъ себя существенную, говорящую географію, начертанную сильнымъ, живымъ слогомъ. „Такую книгу, по мнѣнію Гоголя, могъ составить только такой писатель, который умѣетъ схватывать вѣрно и выставлять сильно и выпукло *черты и свойства народа* и всякую *мѣстность* со всѣми ея красками выставлять такъ живо, такъ ярко, чтобы она оставлялась навсегда въ глазахъ“. Наряду съ такимъ тщательнымъ и мѣткимъ описаніемъ географическимъ, эта книга должна стремиться къ тому, чтобы „*видны были въ настоящемъ видѣ качества и свойства русскаго народа со всѣмъ разнообразіемъ особенностей,* какими отличаются его вѣтви и племена“. Она же должна содѣйствовать тому, „чтобы человѣкъ, еще находящійся на ученической скамьѣ и готовящійся къ государственной службѣ, привыкалъ бы уважать обычаи, порожденные законами самой мѣстности и не требовалъ бы повсемѣстнаго выполненія того, что хорошо въ одномъ углу и дурно въ другомъ“. Судя по словамъ Гоголя, книга эта давно составляла предметъ его размышленій и постепенно зрѣетъ съ нынѣшнимъ его трудомъ (т.-е. „Мертвыми душами“). Т. о., всѣ тѣ многочисленныя свѣдѣнія, замѣтки, выписки этнографическаго характера, а также чтеніе соотвѣтствующей литературы, о чемъ мы раньше говорили, если съ одной стороны и стоятъ въ связи съ „Мертвыми душами“ и другими художественными произведеніями Гоголя, то съ другой стороны имѣютъ и другую, спеціально этнографическую цѣль. Мысль о необходимости этнографическаго и географическаго описаній Гоголемъ высказывалась не разъ и въ частныхъ письмахъ и статьяхъ. Такъ въ статьѣ „Нужно проѣздиться по Россіи“. Гоголь жалуется: „Велико незнаніе Россіи

[1]) Письма, IV, стр. 341.

посреди Россіи. Всё живётъ въ иностранныхъ журналахъ и газетахъ, а не въ землѣ своей. Городъ не знаетъ города, человѣкъ человѣка, люди, живущіе за одной стѣной, кажется, какъ бы живутъ за морями" [1]). Разговариваетъ по этому поводу съ гр. Толстымъ. И дѣйствительно, Гоголь считалъ необходимымъ проѣздиться по Россіи. Въ указанной докладной запискѣ Гоголь подчеркиваетъ необходимость по крайней мѣрѣ трехлѣтнихъ поѣздокъ во внутренность Россіи. Полугодомъ раньше онъ „имѣетъ намѣреніе проѣздиться по сѣверо-восточнымъ губерніямъ Россіи, мало ему знакомымъ" [2]). Въ письмѣ къ Маркевичу пишетъ: „Я располагаю поѣздить по губерніямъ въ окружности Москвы, посѣтить кое-кого изъ знакомыхъ и поглядѣть на Русь въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ея не знаю. Сначала хотѣлъ это сдѣлать въ большомъ размѣрѣ, но, увидя „чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ", ограничиваюсь малымъ" [3]). Т. о., онъ хотѣлъ самостоятельно путемъ личнаго путешествія ознакомиться съ Россіей, онъ собиралъ также въ концѣ 40-хъ годовъ свѣдѣнія отъ другихъ лицъ. Въ бумагахъ сохранились любопытныя статейки, видимо, предназначавшіяся для задуманнаго Гоголемъ труда. Въ Рум. музеѣ хранится подъ № 2026 пока еще не изданный, этнографическій очеркъ, посвященный Волжскимъ Калмыкамъ. Онъ весь составленъ соотвѣтственно плану, который кладется, судя по докладной запискѣ, въ основу геогр.—этн. труда. Вначалѣ краткое и картинное описаніе почвы, природы, горъ (о послѣднихъ приводятся бытующія въ народѣ легенды, флора и фауна). Затѣмъ описываются сословія калмыковъ, ихъ занятія и привилегіи, далѣе образъ жизни, жилище, главн. праздники, внѣшній образъ жизни, одежда, нравы и пр. Наконецъ духовная жизнь народа: его суевѣрія, обряды, праздники, пляска и напѣвы пѣсенъ, религія, духовное образованіе и словесность и т. д. Изложеніе живое и даже художественное. Несомнѣнно при составленіи очерка Гоголь руководствовался соотвѣтствующими книжными источниками и даже нѣсколькими [4]). Судя по этому очерку подобнымъ же об-

---

[1]) Сочиненія Кулишъ II. Стр. 232. Гоголя. Переписка съ друзьями.

[2]) Письмо IV, стр. 260.

[3]) Ibid. 268.

[4]) На дняхъ г. Г. Георгіевскій въ газетной статьѣ (Моск. Вѣд. 20 марта 1909 г. № 65) указалъ на источникъ этой статьи. „Подроб. свѣдѣнія о волжскихъ калмыкахъ, собранныя на мѣстѣ Н. Нефедьевымъ" СПБ. 1834 г.

разомъ предполагалось описать и другія племена, населяющія Россію, а также разновидности русскаго народа. По всей вѣроятности, въ связи съ этимъ стоятъ разспросы Гоголя этнографическаго характера о народномъ календарѣ южнорусскомъ, сравнительно съ великорусскимъ (ср. выше) Въ послѣднее время въ газетной статьѣ [2]) „Труды Гоголя по изученію Россіи" хранитель рукописнаго отдѣленія румянцевской библіотеки Г. П. Георгіевскій указалъ на существованіе, помимо нами указанной статьи о калмыкахъ, еще пять тетрадей съ содержаніемъ географическаго характера, представляющихъ изъ себя выписки изъ сочиненія Палласа „Путешествія по разнымъ провинціямъ Россіи". Несомнѣнно, и эти выписки стоятъ въ связи съ задуманной Гоголемъ книгой о Россіи [3]).

Книга эта не была написана: черезъ какіе-нибудь полтора года Гоголя не стало. Но несомнѣнно одно: онъ до конца жизни стремился къ познанію Россіи, изучалъ отдѣльныя ея мѣстности, народный бытъ и народную словесность. Судя по письмамъ въ концѣ 1851 года, онъ читаетъ книги, описывающія Россію: Сочиненіе Палласа, Путешествія по Россіи Рычкова, Сивергина и Зуева [4]); заявляетъ, что ему нужно побольше прочесть о Сибири и сѣв.-вост. Россіи [5]). Въ немъ не умирала также любовь къ той пѣснѣ, которая поддерживала любовь къ народной жизни, заставляла углубиться и заняться изученіемъ ея; къ той пѣснѣ, которая погружала его въ минувшую жизнь и выводила передъ нимъ старинные образы, наконецъ которая послужила для него предметомъ изученія и собранія—этой родной малороссійской пѣснѣ. Грустные, чарующіе звуки ея остались навѣки запечатлѣнными въ душѣ поэта. Въ послѣдніе годы своей жизни, проводя время въ Москвѣ, онъ часто съ любовью слушалъ и самъ пѣлъ малорусскія пѣсни, по преимуществу у Аксаковыхъ [6]). Объ этихъ же пѣсняхъ въ декабрѣ 1849 г. онъ бесѣдуетъ съ Бодянскимъ, а въ 1850 г. сообщаетъ малор. пѣсни въ домѣ Смирновой гр. Толстому. Меньше

---

[1]) Стр.

[2]) Только что указано.

[3]) Къ подобнаго рода пріему, выписокъ и сокращеній, Гоголь прибѣгалъ, какъ мы видѣли, и раньше, см. о праздникахъ (выписки изъ Снегирева).

[4]) Письма IV. Стр. 418.

[5]) Ibid., стр. 419.

[6]) Ср. Шенровъ. Учен. годы Гоголя. Стр. 129.

чѣмъ за 2 мѣсяца до смерти Гоголь приглашаетъ Бодянскаго слушать мотивы малор. народныхъ пѣсенъ, переложенныхъ Над. Сер. Аксаковой съ его голоса [1]). И это—несмотря на общее подавленное, въ общемъ мало располагавшее къ веселью время! Такъ любима и сродна душѣ Гоголя была безхитростная народная пѣсня. Эта поэзія, занимавшая его съ дѣтскихъ лѣтъ до смерти, была однимъ изъ могущественныхъ факторовъ, направлявшихъ мысль Гоголя на этнографическое изученіе какъ родной Малороссіи, такъ и всей остальной Россіи.

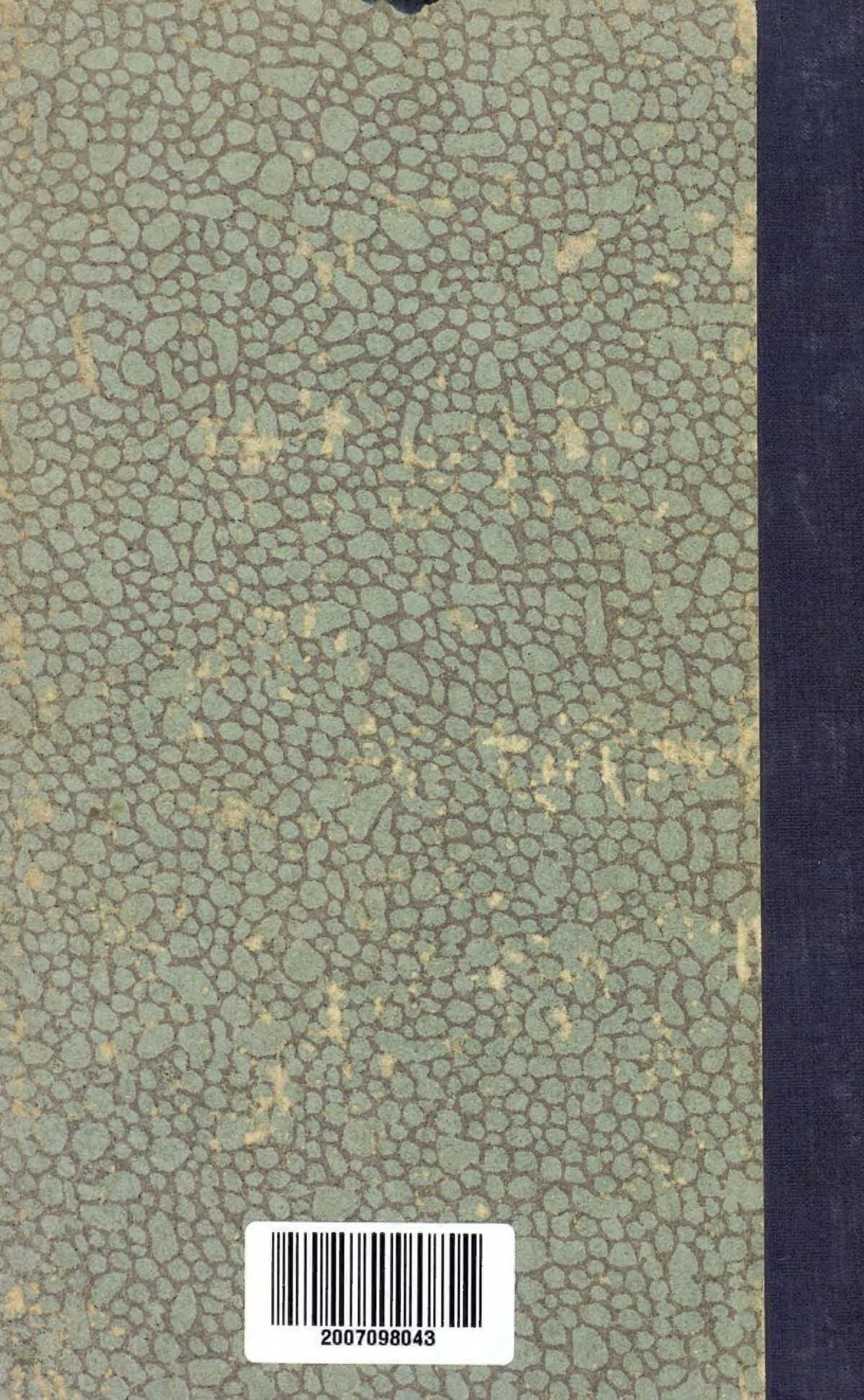
Въ сферѣ этнографическихъ своихъ интересовъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, какъ и въ художественной дѣятельности, Гоголь, дѣйствительно, словомъ и дѣломъ осуществлялъ однажды высказанное и вписанное въ записную книжку пожеланіе *„обнять обѣ половины русскаго народа сѣверную и южную, сокровище ихъ духа и характера“* [2]).

Б. Соколовъ.

---

[1]) Кулишъ П. 258—9. Это, видимо, тѣ пѣсни, которыя Гоголь собралъ за послѣднее свое пребываніе на родинѣ, при помощи своихъ близкихъ знакомыхъ. Ср. Данилевскій Г. П. Собраніе сочиненій т. XX (изд. Маркса 1901 г.) стр. 153.

[2]) Записная книжка 1846 года, подаренная Жуковскимъ.

2007098043